Кофе с мороженым

Сандра Саммерс

Сандра Саммерс

Кофе с мороженым

«Автор»
2024

Саммерс С.

Кофе с мороженым / С. Саммерс — «Автор», 2024

Море, солнце, свобода и никаких больше женихов-предателей! Именно на это рассчитывала Лана, отправляясь в отпуск с лучшей подругой. И все ведь шло четко по плану, пока девушка не свалилась во всех смыслах этого слова в руки красавчику Феликсу. Мимолетная встреча, которая должна была остаться яркой вспышкой в воспоминаниях о летнем путешествии, внезапно получила продолжение в холодной зимней Москве. И еще какое продолжение – любой сериал позавидует… А ведь Лана всего-то хотела размеренно попивать капучино в любимой кофейне с друзьями да смотреть сериалы по вечерам с пушистым котом Угольком под боком, а не вот это вот все. Но любви-то хочется. А чего только ради нее не сделаешь…

© Саммерс С., 2024
© Автор, 2024

Содержание

1. 6
2. 15
3. 21
4. 27
5. 32
6. 37
7. 39
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Сандра Саммерс
Кофе с мороженым

ПЛЕЙЛИСТ
KALEO – Vor í Vaglaskógi
King Harvest – Dancing in The Moonlight
Mika – I Went to Hell Last Night
Mark Snow – Materia Primoris: The X-Files Theme
Angelo Badalamenti – Twin Peaks Theme
Jason Mraz – Bella Luna
Александр Иванов и группа «Рондо» – Боже, какой пустяк
Freddie Mercury – Love Me Like There's No Tomorrow
Алена Свиридова – Я слишком много знаю
Kanye West – I Wonder
Belle & Sebastian – I Want The World to Stop
The Cure – Lovesong
Madonna – Papa Don't Preach
Billy Joel – Vienna
Switchfoot – Dare You to Move
Eric Clapton – (I) Get Lost

1.

Ветер трепал волосы, пропитанные солью и уже несколько часов не видавшие расчески. Обычно весьма озабоченная тем, как я выгляжу, в этот раз я не обращала внимания на безобразие на голове. На теле виднелись красные пятна, которые, сколько бы я ни втирала в кожу солнцезащитный крем, все равно пробивались и неприятно горели, стоило до них дотронуться. Но и на это мне было плевать. Я накинула поверх купальника легкую льняную рубашку и удобно устроилась на нагретом палящими лучами лежаке.

Было очень хорошо. Даже непрекращающаяся болтовня людей вокруг не мешала наслаждаться этим прекрасным местом. Их речи я не понимала – на английском и русском тут почти никто не говорил.

– Вот бы отпуск никогда не заканчивался! – раздался совсем рядом Милкин голос.

Подруга отложила потрепанную книжку в сторону и прикрыла глаза, следуя моему примеру.

Признаться, сначала я не разделяла восторга Васильковой по поводу этой морской прогулки. Я была уверена, что будет шумно, людно, мокро и грязно. Учитывая, какая огромная очередь выстроилась вчера у ларька с билетами, желающих попасть на корабль было предостаточно. Перспектива тесниться на хоть и просторном, но заполненном людьми судне не сильно прельщала.

Но Милка канючила с самого нашего приезда на курорт. Пойдем да пойдем. Ей, видите ли, до одури хотелось искупаться в открытом море, а, если повезет, еще и на дельфинов поглазеть. Хотя нас сразу предупредили – не факт, что мы застанем игрища этих прелестных существ, они товарищи капризные.

Загорелый парень с выгоревшими на солнце волосами и фирменным прищуром, который является визитной карточкой каждого первого торговца билетами на всякие увеселительные мероприятия на этом курорте, перекинул зубочистку из одного уголка рта в другой и на ломаном английском принялся перечислять преимущества прогулки на их судне. У них-де лучшие экскурсии, такой другой мы больше нигде не найдем. И как раз есть еще свободные места – обычно к этому времени все билеты раскупают как горячую кукурузу на пляже. Взглянув еще раз в жалостливые Милкины глаза, я со вздохом согласилась. Не говорить же ей, что я просто до жути боюсь внезапного кораблекрушения. Плаваю я только недалеко от берега, если чувствую, что ноги на сто процентов достают дна. А тут – непонятно какая глубина. Вряд ли, конечно, мы столкнемся с айсбергом в Средиземном море, но штормы в таких местах – штуки непредсказуемые. А умножьте это все еще и на мою невероятную невезучесть – как пить дать какой-нибудь казус случится, гарантирую. Я как бы между прочим поинтересовалась у паренька, будут ли раздавать спасательные жилеты, и, после того как он энергично закивал, достала кошелек, сосредоточенно отсчитывая нужную сумму. Василькова рядом разве что кипятком не писала от радости.

И вот – вуаля! – мы с ней греем свои тушки на лежаках на палубе и лениво наблюдаем за местным контингентом. Тощая черноволосая девица прямо перед нами кокетливо заигрывала с высоким рыжеволосым мужиком, принимая то одну, то другую позу, позаимствованную у заправских моделей из соцсетей. Тот пожирал ее голодным взглядом и с удовольствием кивал в ответ на ее бурный словесный поток. Девица запустила пальцы в свою шевелюру с целью, видимо, сексуально перекинуть прядь с одного плеча на другое и чуть не выдернула целый клок, не сообразив, что гладкие и послушные волосы бывают только в рекламе шампуня и при отсутствии сумасшедшего ветра, который в данный момент разыгрался не на шутку. Вскрикнув от боли, она сердито выругалась, но быстро спохватилась и запоздало улыбнулась своему собеседнику. Тот снова кивнул.

– Сколько тут красивых парней! – тихонько присвистнула Милка.

Особей мужского пола, действительно, хватало, но почти все вели себя хуже вышеупомянутой девицы. В глазах каждого второго читалось: «Я твой, детка, обрати на меня внимание!», и они то и дело поправляли щедро уложенные гелем кудри и окидывали представительниц противоположного пола томными взглядами. Один из них как раз прошел мимо наших с Милой лежаков и подмигнул мне. Я слабо улыбнулась.

Василькова перед отпуском была настроена решительно. «Едем за женихами!» – то ли в шутку, то ли всерьез во всеуслышание заявила она, когда мы с утрамбованными чемоданами явились в аэропорт. Таксист, который только что помог нам выгрузить вещи из багажника, хмыкнул и окинул Милу заинтересованным взглядом, но подруга его проигнорировала, со скоростью спринтера ринувшись к зданию, будто самолет мог улететь без нас. Теоретически он, конечно, мог, но мы приехали на два часа раньше вылета. Покачав головой и бросив на обломавшегося таксиста извиняющийся взгляд, я покатила свой чемодан вслед за упорхнувшей Милкой.

Женихи мне сейчас нужны были меньше всего. Наженихалась уже, спасибо. За неделю до отпуска мой теперь уже бывший парень устроил мне грандиозное шоу под названием «Посмотри, как я виртуозно обрабатываю полуголую девицу на диване в нашей гостиной». Не знаю, что разозлило меня больше – сам факт измены или то, что она происходила непосредственно на предмете мебели, который я любовно выбирала для нашего семейного гнездышка.

Мы с Антоном жили в квартире, которая досталась мне в наследство от бабушки, и я лелеяла мечту сделать из нее конфетку, не прибегая при этом к космическим затратам. Все свободное время проводила на барахолках, блошиных рынках и интернет-платформах по типу eBay в поисках крутых и оригинальных ковриков, полочек и столиков, и вскоре старая, обшарпанная квартирка начала принимать очень уютный вид. Мы с мамой сделали ремонт год назад, как раз до того как мы с Антоном решили жить вместе, поэтому он, можно сказать, пришел на все готовенькое.

Мы познакомились на дне рождения нашей общей подруги. Сначала Антон очень красиво ухаживал за мной. Дарил цветы, звал на свидания, галантно целовал руку и водил в театр. Когда он предложил встречаться, я подумала: а, собственно, почему бы и нет? Он работал в крупной страховой компании, производил впечатление адекватного человека, с ним можно было обсудить кино и литературу, хотя наши мнения далеко не всегда совпадали. Внешне тоже был не обделен – крепкий шатен, чуть выше меня ростом, кареглазый, в стильных очках. Считает себя, между прочим, типичным представителем «яппи», хотя по некоторым пунктам я бы поспорила. Одним словом, мы жили, как обычная среднестатистическая пара: днем работали, по вечерам выбирались в кино или кафе, иногда – по праздникам – в ресторан, встречались с друзьями. Ничего особенного.

Меня абсолютно не смутило, что Антон без колебаний согласился переехать ко мне. До этого он снимал квартиру далеко от центра, а я жила как раз в очень удобном месте. И об арендной плате не нужно было беспокоиться. «Как раз накопим на свадьбу мечты!» – любил повторять Антон. Я сдержанно кивала или меняла тему. Мой сценарий идеальной свадьбы выглядел так: мы расписываемся в первом попавшемся загсе, сразу после этого садимся в самолет и улетаем в закат. Желательно куда-нибудь в Европу или Южную Америку.

В представлении же Антона все должно было происходить совсем по-другому. Мы словно поменялись ролями. Я какая-то совсем «не женщина», а Антон – сторонник традиций: с караваем, выкупом невесты и двумястами гостями в помпезном ресторане, среди которых всего десяток близких друзей, а все остальные – дальние родственники, о существовании которых мы бы и не подозревали, не наступи такой «весомый» повод их пригласить. Все сэкономленные деньги, по мнению Антона, просто жизненно необходимо потратить на организацию праздника, наряды жениха и невесты и торт. А то, что потом мы останемся сидеть с голой задницей

дома и наслаждаться новым семейным статусом, – это мелочи. Ну, спасибо хоть, что за ипотеку платить не нужно.

Так что измена Антона в какой-то степени облегчила мне жизнь и избавила от такого развития событий. Я особо не жалуюсь. Во-первых, не могу чистосердечно признаться в искренней любви к своему бывшему парню, а во-вторых, теперь никто не оставляет разводы от зубной пасты в ванной комнате и не разбрасывает по квартире носки.

Мила, изнывая от желания залечить мои душевные раны, сразу же завела шарманку о том, что на новом месте я быстро забуду «мудака Антона». Мол, море, белый песок и куча знойных красавцев – лучшая панацея в таких случаях. Кто я такая, чтобы спорить? Погреть кости на южном солнце – перспектива не самая отстойная. Я высказала единственное условие подруге – ни в коем случае не тащить меня на заполненный туристами курорт, на котором русских больше, чем местных, и со стандартной программой «ол инклюзив». Мне хотелось познакомиться с другой Турцией – колоритной, диковатой, с красивой природой и крышесносящими видами. Василькова с готовностью кивнула – «Все будет в лучшем виде!» – и незамедлительно занялась организацией нашего отпуска.

И вот мы в раю. Здесь ужасный интернет, ничтожно мало люксовых ресторанов и отелей, а местные говорят только на турецком за совсем редкими исключениями. Зато мы каждое утро завтракаем на террасе с невероятным видом, купаемся в кристально чистой воде Эгейского моря и каждый день встречаем искренних и добрых людей, которые, несмотря на языковой барьер, готовы помочь в любой ситуации и угостить чашкой бесплатного вкусного чая или айрана.

Поэтому да – можете считать, что сейчас, находясь на палубе симпатичного кораблика, я просто вредничаю. Если исключить страх пойти на дно бревнышком, меня все более чем устраивает.

Василькова достала смартфон, когда неподалеку завиднелись очертания небольшого островка. На небе не было ни единой тучки, и совсем рядом раздавались пронзительные крики чаек.

– Сфоткай меня на фоне вон той скалы, – подруга махнула рукой в направлении острова, протянула мне телефон и приняла эффектную позу у ограждения с металлическими прутьями.

Я щелкнула ее пару раз, щурясь на ярком солнце.

– Класс! – Милка быстро пролистала фотки и одобрительно закивала. – Давай теперь я тебя.

У меня не было абсолютно никакого желания позировать, поэтому я отмахнулась и принялась рыскать в недрах холщовой сумки в поисках бутылки с водой. Она ожидаемо нагрелась, и я поморщилась, сделав большой глоток. Ненавижу теплую воду! Завертев крышку, я решила сходить в бар, который располагался на нижней палубе. Там продавались прохладительные напитки и мороженое. Мила попросила меня купить ей ванильный рожок и снова развалилась на лежаке, предварительно улыбнувшись сидящему недалеко от нас парню. Светлые пряди и голубые, почти белесые глаза делали его совсем непохожим на жгучих турков. Он подмигнул Васильковой и подошел ближе, спросив у нее что-то. Все-таки местный – подумала я, хотя так по виду и не скажешь. Подруга состроила смешную рожицу и попыталась жестами объяснить ему, что не говорит на турецком. «English, please![1]» – медленно, по слогам произнесла она, но парень покачал головой. Тогда она достала телефон и включила переводчик. Они склонились друг к другу и принялись общаться на смеси английского, турецкого и жестового языков.

Я достала из сумки бумажник и поправила купальник и рубашку. Теплый ветер ласково обдувал нагретые солнцем ноги, и я невольно зажмурилась от удовольствия. На лестнице, ведущей на нижнюю палубу, я чуть не оступилась, но вовремя схватилась за перила. Не хватало еще навернуться здесь, на виду у всех. Шум бьющихся о борт волн заглушил мое тихое проклятье.

Добравшись наконец до бара, я принялась изучать скудный список лакомств и напитков. Кола, Пепси, Севен Ап, два сорта пива и три – мороженого, вот и все богатство. Пить хотелось нестерпимо, и, хоть обычно я и не пью газировку, чувство жажды возобладало над принципами и вкусовыми предпочтениями, и я ткнула на изображение зеленой банки с цифрой «7».

– May I have two Seven Ups and two vanilla ice-creams, please?[2] – обратилась я к рыжему парню за прилавком – тому самому, с которым недавно заигрывала черноволосая девушка.

Я на всякий случай показала пальцами цифры «2» и «2». Рыжий кивнул и, вбив на телефоне нужную сумму, повернул ко мне экран и с шелестом протянул мне вкусности. Оплатив покупку, я с жадностью опустошила свою банку газировки и только потом, испустив вздох истинного наслаждения, вернулась обратно к лестнице. Черт меня дернул разворачивать обертку мороженого, поднимаясь по ступенькам. Лакомство мгновенно начало таять, и крупная капля шлепнулась прямо на надгрудный карман рубашки. Чертыхнувшись, я принялась оттирать пятно – прямо там, на лестнице. Это было плохой идеей, и мне давно пора было понять, что делать несколько дел одновременно в такой опасной локации – не мой вариант. Уже летя вниз, я обреченно представляла себе, как глупо буду выглядеть: с задравшейся рубашкой и лицом в деревянный пол, вся в липком мороженом, попой наружу. Падение резко прекратилось, и я осторожно приоткрыла один глаз. Удара не последовало, но под грудью я явственно ощутила крепкую напряженную ладонь. Нащупав голыми ступнями твердую поверхность, я выпрямилась и посмотрела на своего спасителя. Мне пришлось поднять голову, даже задрать, потому что человек, который уберег меня от позора, был на голову выше меня. Солнце нещадно светило прямо мне в глаза, и мне пришлось зажмуриться – я так и не могла нормально рассмотреть лица стоявшего рядом мужчины.

– You shouldn't do two things at the same time in such an unstable position[3], – озвучил он уже усвоенную мной истину, чуть усмехнувшись при этом.

Я проигнорировала его слова, заметив, что все-таки умудрилась заляпать почти всю переднюю часть рубашки остатками мороженого. Сердито сняла с себя вещицу, скомкав ее в руках, и подавила тяжелый вздох. Замерзнуть я, конечно, совсем не рисковала, но моя кожа явно не скажет мне спасибо за то, что я подвергну ее окончательному обжариванию на палящем солнце. Надо срочно бежать наверх и наносить стопятидесятый слой SPF-крема. Я вспомнила, что так и не поблагодарила своего спасителя, но, подняв голову, обнаружила, что его уже нет рядом. Ну и ладно, мне сейчас и так забот хватает.

Милка окинула меня вопросительным взглядом, когда я наконец вернулась и протянула ей банку газировки и уже превратившееся в милкшейк мороженое:

– Ты чего так долго?

Блондин, с которым она заигрывала до моего ухода, уже ушел. Подруга однако довольно улыбалась, и я хмыкнула, когда она показала мне экран телефона – там светился свежедобавленный контакт.

– Ке-маль, – прочитала я по слогам. – Не самый худший вариант.

– Он такой милашка, – мечтательно произнесла Милка и тут же поморщилась, обнаружив жижу в обертке от мороженого. – Фу, гадость какая.

Лакомство последовало в мусорный пакет, привязанный к столику у железных перил палубы.

– И на каком языке вы собираетесь переписываться? – с издевкой поинтересовалась я.

– На языке любви, – не растерялась Василькова, и я закатила глаза.

Несмотря на испорченную рубашку и так и не попавшее в желудок мороженое, я все равно наслаждалась обстановкой. Вскоре корабль остановился прямо посреди синей глади – ветер стих, и казалось, будто мы на краю земли, вдали от цивилизации. Впереди простиралось бескрайнее море, сливающееся на горизонте с ярко-голубым небом.

– Наконец-то идем купаться! – воскликнула Милка, и я сразу напряглась.

Мы спустились на нижнюю палубу и встали в очередь на носу судна. Люди возбужденно переговаривались в ожидании заплыва. Кто-то уже без страха кидался в морскую пучину, прямо так – с разбега и без спасательного жилета. Я поежилась. Мила сначала тоже хотела ринуться в воду, не надев перед этим «экипировку», но я воззвала к ее здравому рассудку. Она, конечно, куда более сносная пловчиха, чем я, но тоже не Юлия Ефимова[4].

Рыжий парень, который недавно обслуживал меня за прилавком, надел на меня жилет и крепко стянул завязки. Похоже, он тут на все руки мастер.

– Он точно не развяжется? – спросила я его на английском, подергав за веревку.

Рыжий показал поднятый вверх большой парень, мол, не беспокойся, все на высшем уровне. Что ж, если я все же утону, это будет на его совести.

Нужно было спуститься по короткой лесенке, конец которой уходил под воду. Милка полезла первой, от нетерпения чуть ли не подпрыгивая.

– Такой кайф, Лана! Давай, спускайся! – позвала она меня, перевернувшись на спину и ловко оттолкнувшись пятками в сторону от корабля.

Я еще раз с опаской посмотрела на слегка волнующуюся водную гладь. Наконец, сама на себя разозлившись за нерешительность, я уверенно начала спускаться по скользким ступенькам лестницы. Брр, что ж так мокро-то! Море холодило кожу, которая до этого успела хорошенько нагреться на солнце, и на контрасте вода ощущалась как ледяная. Спустив ногу с нижней ступеньки и почувствовав под собой пустоту, я сделала глубокий вдох и наконец оторвала пальцы от перил лестницы. Мне казалось, что меня сейчас накроет водой, но жилет сразу же поднял меня вверх, и я беспомощно заозиралась по сторонам. Милка куда-то пропала, зато совсем рядом послышался легкий смешок, и меня слегка обдало брызгами. Я неловко повернулась, но никого не увидела – только пузырящуюся воду и промелькнувшую внизу темную тень. Зато объявилась Василькова. Подруга просто пищала от восторга и все норовила заплыть куда-нибудь подальше.

Если честно, все оказалось не так страшно, как я себе представляла. Совсем скоро я совсем расслабилась и взяла пример с Милы. Надувной жилет надежно удерживал меня на поверхности, холод исчез, и на смену ему пришло чувство умиротворения.

В небе послышался крик чайки, и через несколько секунд исполнительница пронзительного «каа-каа» опустилась совсем низко к воде и замахала крыльями прямо рядом со мной и Милкой. Подруга испуганно дернулась и поплыла в сторону корабля, оставив меня наедине с чересчур воодушевленной птицей. К счастью, последняя тоже вскоре удалилась, взмыв ввысь. Я, чертыхаясь, со скоростью улитки поплыла к судну, тем более что народ уже стал потихоньку подниматься на палубу, выжимая жидкость из купальных костюмов и ополаскиваясь под небольшим душем рядом с лестницей, сооруженным специально, чтобы искупавшиеся могли смыть с себя морскую соль. Кое-как вскарабкавшись по лестнице, я ухватилась за выступ, чтобы податься всем корпусом вперед и подняться, и, конечно же, чуть было не свалилась обратно. Я успела услышать только громкий Милкин голос, зовущий меня по имени, и почувствовала, как соленая вода неприятно заполняет нос. Неизвестно, сколько бы я еще позорилась на виду у всех пассажиров, если бы знакомая крепкая мужская рука не схватила меня за запястье и не помогла залезть на твердую поверхность. Отряхнувшись и поправив так не вовремя начавшую сползать лямку купальника, я подняла глаза и наконец смогла разглядеть своего сегодняшнего «Супермена».

Наверное, я смотрела на него слишком долго, потому что парень о чем-то спросил, глядя мне в глаза, но звук его голоса не сразу дошел до меня: в моих ушах словно застрял слой ваты, и все вокруг начало двигаться в замедленном темпе. Я бессовестно пялилась на него, будто передо мной стоял не человек, а инопланетное существо.

Смоляные волнистые волосы и такого же цвета глаза. До этого мне казалось, что таких глаз в природе не существует, а если они и упоминаются, то только для приукрашивания кар-

тинки в каком-нибудь женском романе. Есть только карие или темно-карие. Но меня сверлил абсолютно черный, в прямом смысле этого слова, взгляд. По мне даже дрожь пробежала, и отнюдь не от холодной воды, из которой я только что вылезла. Подтянутое худощавое тело с ровным загаром и хорошо очерченными, но без фанатизма мышцами. Поза, которую принял парень, была расслабленной, но излучала полную готовность легко смениться ловким движением, если возникнет такая необходимость. Например, если какая-нибудь неуклюжая девица навернется второй за день раз на лестнице. От молодого человека исходила опасная загадочность, хоть он и смотрел на меня вроде бы небрежно и даже будто с какой-то насмешливостью. Мой взгляд невольно опустился ниже его лица, исследуя все части почти обнаженного тела – на нем были только темные плавки, что вполне логично, учитывая место, где мы находились. Запястье его левой руки было перевязано черным платком с белыми геометрическими узорами, а под грудью, справа – прямо под сердцем – виднелась небольшая татуировка. Дракон. Обычно такой символ олицетворяет что-то грандиозное или крутое: ну типа там силу, мощь и всякие такие впечатляющие штуки. Но чернильное изображение на теле человека, стоящего передо мной, было, скорее, карикатурным. Дракончик был забавным. Мультяшным. Я невольно улыбнулась.

– Дальше сама сможешь? – переспросил меня парень, и я призвала всю свою силу воли, чтобы сосредоточиться на его словах, а не на отвлекающих факторах в виде тела, татуировок и невероятно привлекательного лица.

Он говорил на английском, и это меня почему-то обрадовало. Не нужно будет снова включать англо-турецкий переводчик на телефоне. Будто мы с ним и далее собирались общаться, ага. Я изобразила благодарную улыбку и кивнула.

– Спасибо! – на негнущихся ногах я подошла к струям пресной воды из душа, сменив отошедшую в сторону грузную женщину в бирюзовом купальнике. Смыв с себя морскую соль, я обернулась, чтобы обуть оставленные перед купанием у лестницы сланцы, и с легким сожалением обнаружила, что парень снова исчез.

Милка стояла чуть поодаль и не отрывала от меня любопытного взгляда.

– А у тебя губа, смотрю, не дура, – задумчиво прокомментировала она. Я почему-то покраснела, но поспешила сделать вид, что не понимаю, о чем она.

Подруга засеменила за мной, когда я, сняв с себя спасательный жилет, медленно стала подниматься на верхнюю палубу, на этот раз очень аккуратно держась обеими руками за перила – оступись я в третий раз, можно было бы смело кидаться прямо с борта на дно моря, ибо большего унижения моя душа вынести уже не смогла бы. И не факт, что в случае очередного фиаско мой черноволосый ангел-хранитель вновь оказался бы рядом.

– А еще говорила, что, мол, новые отношения ей ни к чему, – не унималась Василькова. – Ну и как зовут этого красавчика?

– Без понятия, – огрызнулась я.

Не говорить же ей, что сама не прочь узнать. А вообще странно, что я не заметила этого парня раньше. Мы с Милой внимательно изучили всех пассажиров, как только попали на судно, даже, что уж греха таить, успели перемыть косточки некоторым из них. Женская сущность – она и в Турции женская. Брюнет появился словно из неоткуда.

Включили какой-то дико популярный трек, и все начали выходить на середину палубы и, чуть пошатываясь, двигать телами и орать в унисон с исполнителем. Я рисковать не стала – на сегодня мне уже хватило неосторожных движений. Кемаль, новый Милкин знакомый, тут же потащил ее на сымпровизированный танцпол, и подруга с радостью приняла его предложение. Я в очередной раз намазала обгоревшее тело кремом, расслабленно откинулась на лежак и прикрыла глаза. Жаль, что не прихватила наушники – мой плейлист подошел бы куда более кстати к такому чарующему антуражу. Внезапно солнечный свет, который заставлял щуриться

даже с прикрытыми веками, померк, и я почувствовала, как рядом на лежак подруги примостилось еще одно тело. Еще даже не успев отворить глаза, я поняла, что это не Василькова.

– Дерьмовая музыка у них, – произнес низкий бархатный голос, который был мне уже знаком, и я еле сдержала начавшие подниматься в улыбке уголки губ.

– Согласна. Но у нас нет большого выбора.

– Ну почему же? – я повернула голову и успела поймать хитрую ухмылку на лице парня. Он вытащил непонятно откуда вакуумные наушники и осторожно положил мне их на голову. Я не стала возражать.

Парень нажал на «play» в своем телефоне, и меня накрыли звуки нарастающей и будто ударяющей в такт вновь разбушевавшимся волнам мелодии. Громкость была на максимуме – как я люблю. Сразу же исчезли посторонние шумы, и, закрыв глаза, я легко представила, что и люди вокруг тоже куда-то испарились. Зато я четко ощущала присутствие «Супермена» и буквально чувствовала его кожей, хоть он и не касался меня. Песня, игравшая в наушниках, вызвала мурашки. Я ее раньше не слышала, но голос исполнителя казался знакомым. Когда последний аккорд стих, я аккуратно сняла наушники и посмотрела на парня. Он полулежал рядом, оперевшись на локте и пытливо наблюдая за мной.

– Это было красиво, – прокомментировала я. – На каком языке?

Он усмехнулся и пояснил:

– Исландская группа KALEO. Многие знают их по куда более известным хитам, но эта – «Vor í Vaglaskógi» – моя любимая. Она невероятно меланхоличная, в ней есть душа.

Ой, ну что ты будешь делать. Банальщина из уст прекрасного незнакомца звучала совсем небанально. Тем более что он очень точно выразился – именно такие ощущения были и у меня от прослушивания.

– Меня зовут Лана, – решила я вспомнить правила приличия и представиться первой.

Один уголок губ парня дернулся. За наши пару очень коротких встреч сегодня я успела заметить, что это его привычное движение.

– Красивое имя. Полное? – спросил он.

Вообще по паспорту я Светлана, но мне мое имя всегда казалось слишком простым, поэтому я сократила его до Ланы, и все, кто меня знал, называл меня именно так.

– Нет, но я не люблю, когда меня называют по-другому, – ответила я.

Он удовлетворительно кивнул, но ничего не ответил. Я ждала, что он тоже назовет свое имя, но парень продолжал молчать.

– Очень приятно, Лана, а меня зовут… – с сарказмом произнесла я и вопросительно подняла бровь, как бы намекая, что тоже не прочь узнать имя собеседника.

Он снова усмехнулся и, словно назло, медлил с ответом. Вместо этого сверлил меня внимательным взглядом, и я, смутившись, поправила на голове панамку. Игра в гляделки продолжалась еще минуту. Я уже хотела выдать что-нибудь в стиле «Ну и черт с тобой, больно надо», как он наконец собрался ответить. Даже рот открыл, обнажив ровный ряд белоснежных (ну еще бы!) зубов, но нас вдруг прервали.

Загорелая девушка с очень спортивной фигурой и в довольно откровенном купальнике подошла к нам, разрушив всю интимность момента.

– Вот ты где! – громко воскликнула она, положив ладонь на плечо парня, и он мгновенно выпрямился. – Я за тобой. Тебя Али обыскался.

У нее было прекрасное английское произношение. Впрочем, у парня, имя которого я до сих пор так и не узнала, тоже. Интересно, они местные? Если так, то они выгодно отличались на фоне коверкающих самые простые слова жителей.

Девушка окинула меня настороженным взглядом, но все-таки приличия ради кивнула. Она была очень красивой, просто невозможно. Карие глаза удивительно гармонировали со светлыми волосами, которые, даже несмотря на переменчивую ветреную погоду, лежали

небрежной роскошной копной. Мой мастер часто пытается добиться такого эффекта в махинациях с моими волосами, но ей это, увы, удается с трудом, да и результат держится недолго. Что понятно – с моими идеально прямыми прядями это практически гиблое дело.

Наш общий приятель окинул меня извиняющимся взглядом и поднялся с лежака.

– Позже договорим, Лана, – он подмигнул, и они вместе с блондинкой поспешно пошли к лестнице, ведущей на нижнюю палубу, тихонько о чем-то переговариваясь. Перед тем как спуститься, девушка обернулась и странно посмотрела на меня. Я почему-то смутилась и отвела взгляд, сделав вид, что всерьез сосредоточена чем-то у себя в телефоне.

Когда они скрылись внизу, вернулась Мила. На ее щеках горел яркий румянец – то ли от веселых танцев, то ли от общения с новым знакомым.

– Не надоело овощем лежать? – с легкой укоризной бросила она.

Наверняка она не видела, что буквально несколько минут на ее месте лежал тот самый «красавчик», о котором она раньше восхищенно отзывалась. В противном случае она бы не преминула засыпать меня вопросами.

– Я полностью обгорела, – я с раздражением окинула взглядом покрасневшие плечи и ноги. – Надо было взять зонтик. С моей бледной кожей это было делом времени.

Василькова с сожалением прикусила губу. Ей-то переживать было не о чем, скорее, наоборот. От природы смуглая, южный загар на нее ложился идеально и отлично контрастировал со светлыми волнистыми волосами, а голубые глаза на его фоне казались еще ярче. Я же такими данными похвастаться не могла, увы. Я всегда была бледной поганкой, и на чуть более агрессивном солнце сразу обгорала.

Внешность у меня от папы – такой же нос с небольшой горбинкой, узкий подбородок и резкие скулы. Глаза – самые обычные, серые, иногда приобретающие зеленоватый оттенок в зависимости от освещения. Прямые черные волосы, каре до плеч и челка на две стороны. На самом деле я никогда не комплексовала из-за внешнего вида, меня всегда все устраивало. Но на море мне всегда нужно было запасаться несколькими тюбиками солнцезащитного крема, а еще лучше – не вылезать из-под зонтика и гулять только рано утром и поздно вечером.

Близилось шесть часов вечера, прогулка на корабле подходила к концу, и во мне буйным цветом начало цвести беспокойство. Стало безумно важно еще раз увидеть своего безымянного спасителя, перед тем как наши дороги, возможно, навсегда разойдутся. Глупо, понимаю. Но у вас было когда-нибудь такое чувство, что вы только-только встретили человека, а вам хочется, чтобы у вашего знакомства обязательно были история и продолжение? Нечто подобное я испытывала сейчас. Я тщетно выискивала лицо парня среди всех пассажиров, но он как в воду канул. Повернувшись вправо, поймала сочувствующий Милкин взгляд. Подруга слишком хорошо меня знала.

– Я в туалет, – брякнула я.

Возможно, я выглядела жалко – туалет находился на нижней палубе, и Васильковой наверняка было понятно, что я лишь искала повод спуститься и осмотреть эту часть судна тоже. Ну не испарился же этот гребаный «Супермен», в конце концов!

Внизу почти никого не было. Рыжий парень сидел за стойкой с мороженым и о чем-то переговаривался с товарищем из персонала. Увидев меня, он сразу же выпрямился и послал мне добродушную улыбку, мол, еще чего-нибудь желаете? Я к вашим услугам! Я вежливо покачала головой и посмотрела на скамейку у боковых перил – там сидела парочка: парень с дредами и кольцом в носу и смуглая худая девушка. Они мило держались за руки, и парень близко склонился к своей спутнице, что-то шепча ей на ухо. Она хихикнула и посмотрела прямо на меня, заметно смутившись. Парень повернулся и наградил меня вопросительным взглядом. Секунду поколебавшись, я все же решилась и подошла к ним ближе.

– Вы не видели тут парня? – предприняла я попытку, надеясь, что они говорят по-английски. – Высокий брюнет с платком на руке и татуировкой дракона на груди?

Они пожали плечами, показывая, что не понимают меня. Я быстро включила переводчик на телефоне и, напечатав текст, повернула экран к ним. Они покачали головой, и я разочарованно побрела обратно к лестнице. На нижней палубе больше никого не было.

Тем временем, наверху все уже складывали свои вещи в пляжные сумки и надевали туники и рубашки поверх купальников. Экипаж корабля объявил о скором прибытии на берег. Милка уже упаковала наши скромные пожитки в холщовую торбу и, оставив все добро на лежаке, снова переговаривалась в сторонке со своим блондином. События между этими двумя развивались стремительно, потому что его огромная ладонь с выгоревшими волосками уверенно покоилась на бедре подруги, и она отнюдь не возражала.

Я хмыкнула, но, естественно, ничего не сказала. Их дело, главное, чтобы потом Василькова снова не плакалась, что встретила парня, а он оказался очередным козлом.

Ей почему-то постоянно не везло в личной жизни. Один ее бывший чуть не кинул ее с кучей долгов и проблем, пытаясь скрыться от какой-то мутной группировки, но, к счастью, его вовремя поймали, и Мила потом еще долго восклицала, что вот еще чуть-чуть – и вся ее жизнь покатилась бы в пропасть. Кстати говоря, полицейский, который поймал негодяя и помог ей со всеми бюрократическими заморочками, впоследствии оказался на его месте. В том плане, что они даже начали жить вместе, пока в итоге не выяснилось, что он женат и у него маленькая дочь. Василькова потом приперлась ко мне с бутылкой текилы и чуть не спалила мне квартиру, собираясь провести ритуал по сожжению всех фоток и оставшихся в ее жилище вещей этого «ушлепка».

Глядя, как теперь подруга доверчиво льнет к белобрысому турку, я надеялась, что она трезво оценивает шансы этого курортного взрыва гормонов и просто ловит момент, чтобы потом было о чем вспоминать холодными серыми днями в большом северном городе.

А ничего, что я сама не могла выкинуть из головы брюнета, с которым совсем недавно обсуждала музыку и которого даже одного часа не знала? Все сведения, которые у меня имелись, – это то, что у него прекрасная координация, эффектная внешность, приятный голос и хороший английский. Что ж, оказалось, что этого достаточно, чтобы запасть в душу такой легкомысленной девице, в которую я, к своему собственному удивлению, превратилась. Это все магия момента и романтика окружающей обстановки – тряхнув головой, убедила я себя.

Однако, когда мы сходили с трапа на берег, я все же не сдержалась и еще раз повертела головой по сторонам. Вокруг было полно брюнетов, и, не спорю, – каждый второй подходил на главную роль в какой-нибудь турецкой мыльной опере, но «моего» не было.

Рано утром на следующий день мы уехали в Стамбул на два дня, а потом наступила пора прощаться с гостеприимной солнечной страной. Мы надеялись, что это не последний наш визит сюда. Турция открылась нам с совершенно необычной и прекрасной стороны.

Уже сидя в самолете, который пролетал над пушистыми кудрявыми облаками, я откинулась на спинку сиденья, заткнув уши наушниками, и медленно листала плейлист в телефоне. Палец замер над недавно добавленной красивой балладой на исландском языке, и я нажала на кнопку проигрывания. Я не понимала, о чем там поется, но на душе почему-то стало неспокойно и муторно, будто исполнитель делился самым сокровенным и болезненным, чем-то потерянным навсегда. Мне казалось, что частичка моего сердца тоже навсегда осталась среди простора синих волн и криков чаек. Стало совсем тоскливо.

Милка спала. Я повернула голову к окну и вскоре тоже заснула. Мне снился взгляд черных глаз, который беспокойно блуждал по моему лицу, и чей-то голос, глухой, словно из-под воды, спрашивал: «Куда ты пропала, Лана?»

2.

Большой город встретил ливнем. Мы с Милой стояли под навесом у терминала аэропорта и ждали таксиста, который все никак не мог добраться до нас. Подруга нервно постукивала носком кроссовки по мокрому асфальту.

– Боже мой, где он застрял? – ворчала Милка, и я не могла ее за это винить.

Теплых вещей у нас практически не было, как-то мы не додумались тащить их с собой в страну, где от жары негде спрятаться. И предусмотрительно посмотреть прогноз погоды дома тоже не сообразили. Вот и тряслись мелкой дрожью. Наконец я увидела подъезжающий к шлагбауму белый «Хендай Солярис», если верить описанию в приложении. В марках автомобилей я разбираюсь так же хорошо, как Милка в мужиках. То есть никак. Мы сверили номер и быстрее побежали к остановившейся неподалеку машине. Низенький полный мужичок со смешными усами открыл багажник и помог засунуть туда наши чемоданы. Пока проводились все эти махинации, мы успели промокнуть до нитки, поэтому теплый сухой салон показался нам раем.

– Ну и ураган, – усмехнулся в усы водитель, и мы с Милой согласно закивали. – А вы откуда такие раздетые? – спросил он, укоризненно покачав головой.

Милка почему-то виновато одернула подол короткого сарафана и бросила взгляд в салонное зеркало.

– Да кто ж знал, что тут такая непогода, – проворчала она. – Мы из Турции приехали.

– Мм, Турция, знаем, знаем, – оживился мужчина, – были, были. Шикарная, конечно, страна. Но и у нас, знаете ли, есть где отдохнуть, и ничуть не хуже! – с какой-то даже обидой принялся он нахваливать родные курорты.

А мы чего? Не спорить же с ним, в самом деле.

Так, под пространные комментарии таксиста и сравнительный анализ «нашего» и «ихнего» мы и доехали до первого пункта назначения. Я открыла дверь, махнув рукой Милке на прощание и показав глазами «Держись!» – ей еще предстояло полчаса ехать в компании болтливого мужика. Дождь все не прекращался, но я уже не спешила – смысл? Сейчас зайду в квартиру – и скорее под горячий душ!

Колесики чемодана отстукивали рваный ритм, когда я с вывалившимся от тяжести языком перлась на свой девятый этаж. Лифт, зараза, не работал. Последняя ступенька была самой тяжелой, мне казалось, что я испущу дух. Но вот, наконец, я дома.

Я открыла дверь и вдохнула немного затхлый, но такой родной запах любимой квартиры. Открыла окно на кухне, и внутрь проник свежий влажный воздух и звук стучавшего по крышам и стеклам дождя. Капли не попадали в квартиру из-за широкого навеса над окнами дома – я жила на последнем этаже.

Протерев от уличной грязи колесики оставшегося на пороге многострадального чемодана, я вкатила его в комнату и все же решила сначала разобрать вещи, а уже потом приступать к водным процедурам.

Часть одежды сразу же отправилась в стиралку, другая – в корзину для грязного белья.

В боковом отделе багажа валялась книжка, которую я осилила только до середины, – «Шагреневая кожа» Оноре де Бальзака. Не спорю – мысль в произведении, наверное, очень глубокая и поучительная, но все эти философские и растянутые на десятки страниц рассуждения главного героя вводят меня в тоску. Я без сожаления задвинула книгу на самую дальнюю полку стеллажа – к тем ее собратьям, за которых я еще не скоро возьмусь.

Купленный в Стамбуле шелковый палантин оливкового цвета я отложила в сторону. Завтра надо будет отнести его маме, когда я поеду забирать Уголька – моего единственного теперь сожителя. Я подобрала его год назад, как раз когда мы закончили ремонт в квартире. Малень-

кий черный комочек дрожал от промозглого ветра и жалобно мяукал у лавочки рядом с соседним продуктовым магазином. Я не смогла пройти мимо.

И вот теперь эта наглая мордочка каждую ночь проскальзывает ко мне под одеяло и мурчит под боком. Люблю не могу.

Антон, кстати, не воспылал сильными чувствами к Угольку и вечно норовил то высадить его в коридор за дверь, когда кот забирался к нам в постель, то забывал его накормить, когда я задерживалась допоздна на работе, а он приходил домой пораньше. «Он на мои новые туфли пописал!» – жаловался Антон утром перед выходом. Ну да, у Уголька не сразу получилось научиться справлять свои кошачьи дела в лотке, но разве можно долго обижаться на это пушистое чудо? Я пыталась искренне сочувствовать Антону, потому что туфли действительно были дорогими, кожаными, но он все равно обижался на меня, когда я прижимала виновника материального ущерба к груди и ласково поглаживала его по шерстке на спине. Антон уходил на работу злой, а Уголек лишь сильнее ластился ко мне всем своим мягким тельцем, как бы намекая: «Да ну его, хозяйка, сдался он нам…» Как оказалось в итоге, котенок был не так уж и неправ.

Разобравшись с вещами, я взялась за тряпку и принялась вытирать накопившуюся за мое отсутствие пыль со всех горизонтальных поверхностей. Друзья не зря называют меня «уборочным маньяком» – есть у меня такой пунктик. Я фанат уборки, ничуть не хуже Моники Геллер из сериала «Друзья». Даже в самый загруженный на работе день я могу вернуться вечером домой и, невзирая на поздний час, вооружиться пылесосом с чистящими средствами наперевес, чтобы отдраить дочиста квартиру. Мне физически плохо, когда что-то лежит не на своем месте, полка рядом с раковиной забрызгана водой и испачкана засохшими пятнами от зубной пасты, а к голым ступням противно прилипают крошки.

Мы с Антоном вечно ругались на этой почве – он просто выводил меня из себя, хоть и прекрасно знал о моей слабости. Нередко я с тяжелым вздохом подбирала его разбросанные по квартире футболки и носки и отмывала оставленную на письменном столе груду чашек с разводами от чая и кофе. Мои просьбы о том, чтобы он хотя бы немного старался быть более чистоплотным и организованным, проходили мимо его ушей. Мне казалось, он специально, назло мне, продолжал медленно, по кусочкам, разрушать мою нервную систему.

Кстати о бывшем – как только я поменяла симку в телефоне по приезде из Турции, меня завалило текстовыми и голосовыми сообщениями от него.

Сначала это были попытки достучаться до меня и уговорить выслушать его:

«Лана, прости меня!»
«Давай поговорим!»
«Ты должна меня выслушать!»

Потом пошли объяснения:

«Это была ошибка!»
«Она сама на меня набросилась, я сопротивлялся до последнего. Но я мужчина, в конце концов, ты должна понять! Все равно я люблю только тебя».
«Я был пьян, не ведал, что творил!»

А уже после, так и не добившись результатов, он, похоже, решил, что лучшая защита – это нападение, и последнее сообщение выглядело так:

«Ты последние месяцы буквально ночевала на работе, что мне оставалось делать?»

Как ни крути, я оставалась крайней.

Девица, которую он имел на моих глазах в моей же квартире, быстренько забрала свои немногочисленные шмотки и выкатилась за дверь, не желая быть свидетелем наших разборок. Хотя их, по сути, не было. Я просто велела Антону последовать примеру его любовницы и выметаться вслед за ней вместе со своими вещами. Он сначала что-то неразборчиво лебезил, но в итоге все же ушел. А теперь, видимо, обдумал свое поведение и понял, что поступил стратегически неверно. Упустить такое удобное место с возможностью сэкономить на жилье было адской ошибкой. Думаете, я такая меркантильная и не умею прощать чужие ошибки? Нет, просто среди массы сообщений от Антона я обнаружила еще одно, совершенно точно указывающее на мою правоту:

«Могу я хотя бы до конца месяца пожить у тебя?»

Нет, я его не виню: у меня просто нереально классная квартира, это я вам без ложной скромности заявляю. И, кроме весьма удачного расположения, у нее еще куча других преимуществ.

Это далеко не какой-нибудь шикарный пентхаус с «умной» техникой, нет. Но в нее вложено столько любви, стараний и души, что ранее выглядевшая непримечательно и серо двушка в старом доме теперь представляет собой самое уютное гнездышко на свете. Моя бабушка, папина мама, прочила мне ее еще после гибели отца.

Мы с мамой остались вдвоем, когда мне было тринадцать. С тяжестью в сердце вспоминаю это время, хоть и прошло уже двенадцать лет. Папа разбился на машине, когда его поздно ночью вызвали в больницу, – туда привезли парня с тяжелыми травмами в результате автокатастрофы. Такая вот злая ирония судьбы.

Пьяный мужик врезался в папин любимый, уже повидавший жизнь «Рено», когда отец делал поворот на светофоре. Виновника схватили на месте, но папину жизнь, увы, было не спасти.

Бабушка так и не смогла простить маме папину гибель. Да, она винила ее в случившемся. Отец был прекрасным врачом, ему прочили блестящую карьеру в одной из крутых столичных клиник, но он отказался от этого, чтобы переехать в небольшой поселок за городом, где жила мама. Они познакомились во время учебы в институте и сразу же влюбились друг в друга. Родители отца не одобрили выбор сына – мама была из бедной семьи, ее родители давно умерли, и она всего добивалась сама. Но, хоть они оба и учились в столице и получили достойное образование, мама наотрез отказалась оставаться там после учебы. Она вернулась в старый родительский дом, который был в полуразрушенном состоянии, а отец поехал за ней, бросив всю свою налаженную в большом городе жизнь. Они расписались в местном загсе и не праздновали свадьбу, но жили душа в душу. У отца были золотые руки: он практически сам, без посторонней помощи, преобразил дом, в котором они жили, все починил и наладил. Позже все же устроился на работу в столицу, ездил туда каждый будний день, а часто и по срочному вызову в выходные, и возвращался поздно вечером или утром. Но родители были счастливы. И я была счастлива вместе с ними.

Бабушка так и не смогла преодолеть неприязнь к невестке и ни разу – ни одного – не наведалась с визитом к нам домой. Папа сам навещал их с дедом и брал меня с собой. Мама отказывалась ехать с нами, да и ей там были не рады. Во мне бабушка с дедушкой души не чаяли, всегда задаривали гостинцами по поводу и без, а бабушка каждый раз с гордостью повторяла, что я – вся в отца! Такая же умная и красивая. Обязательно поступлю в столичный университет, устроюсь на престижную работу и выйду замуж за достойного красавца. И квартиру они перепишут на меня.

Дедушка умер, когда мне было одиннадцать. Бабушка еще долго не могла отойти от горя. А гибель отца через два года совсем ее подкосила. Она злилась и пеняла на маму, мол, не будь та такой упрямой и неблагодарной, согласись она жить с отцом в столице, ему бы не пришлось

ездить каждый день по два часа туда-обратно, особенно по ночам. И все не закончилось бы плачевно.

Мама, которая сама после потери папы как-то вдруг осунулась и будто постарела на несколько лет, молча глотала бабушкины оскорбления. «Она потеряла сына», – тихо говорила она. – «Ее можно понять».

Бабушкино сердце не выдержало и полугода. Она ушла вслед за сыном, успев все-таки завещать мне квартиру, как и обещала. Мы с мамой остались жить в нашем доме за городом, а во время учебы в университете мне выделили общежитие. В квартиру я решила переехать сравнительно недавно, когда нашла хорошую работу и окончательно адаптировалась к столичной жизни.

Мама осталась верна себе – даже теперь отказывалась жить здесь со мной. «На кого я наш дом оставлю?» – с грустной улыбкой говорила она в ответ на мои уговоры переехать ко мне. – «Я тебя буду навещать. И ты меня».

Она помогла мне с ремонтом, и вскоре просторная, но уже старая и довольно обветшавшая квартира превратилась в милую стильную двушку со всеми необходимыми удобствами и особенной атмосферой.

У меня имелась своя – небольшая, но все же – библиотека. Я читала абсолютно все подряд, у меня не было предрассудков насчет того, что в моем возрасте пора бы озаботиться чтением лишь серьезной литературы. Раньше я часто говорила себе: «Лана, возьми лучше классику вместо этой книжицы с легкомысленной обложкой. Надо духовно расти!» Но со временем я поняла, что нужно читать то, о чем в данный момент просит душа.

Душа просила всякого. Иногда – чего-нибудь угнетающего и даже депрессивного вроде «Детей Арбата» Рыбакова или «1984» Оруэлла. А иногда – особенно часто в последнее время – легкого, ненавязчивого, с обстановкой, в которой я сама была бы не прочь оказаться. Последний прочитанный мной «бриллиант» в подобном жанре – роман английской современной писательницы Бет О'Лири под названием «Квартира на двоих». Он отлично поднимает настроение и помогает отвлечься от плохих мыслей и проблем.

Я очень люблю читать, и мне безумно повезло, потому что работаю я в книжном издательстве. Заниматься тем, что нравится и приносит удовольствие, и еще и получать за это деньги – это ли не мечта? Я обожаю свою работу, офис и коллектив, с которым мне тоже несказанно повезло, и я боготворю книги за одну только возможность проживать множество чужих жизней. А еще они вместе с фильмами и сериалами являются для меня огромным источником вдохновения – приобретение половины вещей из моей квартиры навеяно вычитанными и высмотренными деталями из литературы, кино и телевидения.

В спальне у меня шторы благородного зеленого цвета – отсылка к знаменитым портьерам из «Унесенных ветром», из которых Скарлетт О'Хара – моя любимая книжная героиня, между прочим – сшила себе платье перед визитом к Ретту Батлеру. На кухне – большие пузатые часы под старину с надписью «COOKIE», как на холодильнике у Моники из сериала «Друзья». А уже несколько раз упомянутый диван в гостиной, который я тщательно чистила много часов после предательства Антона, был куплен на барахолке: он бирюзового цвета и напоминает диван в квартире Пенни из «Теории Большого взрыва».

Да, я люблю яркие, уютные и необычные вещи в интерьере. И что вы мне за это сделаете?

Поэтому, закончив с уборкой, я с огромным удовлетворением оглядела свою обитель. Мой дом, место, где я чувствую себя хорошо и спокойно.

Я обожаю вкусные завтраки с панкейками, кофе и медом на кухне. Люблю зависнуть на диване с книжкой, подложив под нее цветную декоративную подушку. Мне доставляет непередаваемое удовольствие лежание в ванне с солью и пеной при свечах и с ноутбуком на деревянной подставке. Именно этим я сейчас, кстати, и займусь!

Телефон, поставленный на зарядку, завибрировал, и я потянулась к нему, молясь всем богам, чтобы это был не Антон. Звонила, к счастью, Милка.

– Скажи, что ты не погребла свое бренное тело под многочисленными слоями книжных страниц, – без приветствия начала подруга.

– Пока нет, – хмыкнула я, придерживая трубку между ухом и правым плечом и выливая пахучую жидкость из бутылька с пеной для ванны в воду.

– Отлично! – оживилась Василькова. – Тогда сегодня мы идем в рэсторан!

Ее голос был таким громким, что я, поморщившись, поспешила отодвинуть телефон подальше от уха двумя мокрыми пальцами. Так и оглохнуть недолго.

– Василькова, дай передохнуть, – особо не надеясь, что подруга внемлет моим просьбам, пробурчала я, – мне необходима спа-терапия, прежде чем я снова смогу прийти в форму и покорять злачные заведения города вместе с тобой. У меня болит голова, и кожа до сих пор слазит, как после желтого пилинга.

– Бу-бу-бу, – даже несмотря на то, что я не могла видеть лица подруги, я легко представила, как она сейчас смешно морщит нос. – Брусникина, ты как моя бабушка, ей-богу. Еще скажи, что у тебя кости ноют и суставы хрустят.

– И это тоже, – решила я поиздеваться над Милкой. – Магнитные бури, видимо.

Побухтев еще немного в трубку, она наконец сжалилась надо мной.

– Ну окей, тогда с тебя ужин завтра.

– Договорились, – с облегчением согласилась я.

– Кстати, – сказала Милка, когда мы уже попрощались и я собиралась нажать на кнопку отбоя, – угадай, кто мне звонил?

– Понятия не имею.

– Подсказка: начинается на «к», заканчивается на «мягкий знак».

– Конь, что ли?

– Какой такой конь? – затупила Василькова.

– Какой, какой… В пальто который.

– Да ну тебя! Все, покеда.

– Да подожди ты, я же шучу, – я проглотила смешок. – Ну, кто тебе звонил? Турок твой, что ли?

Милка повздыхала еще пару секунд, строя из себя насупленную барышню, но желание поскорее поделиться подробностями амурных дел возобладало над мнимой обидой.

– Прикинь? Говорит, скучает безумно. Хочет ко мне приехать.

– Даже так, – сдержанно прокомментировала я.

– Ну так! Ой, Ланка, может, это моя судьба?

– Ты точно так же говорила про оказавшегося бандитом Толика и про гулящего мента Степана, – хмыкнула я.

– Это другое, – отмахнулась Милка.

Ну конечно.

– Ладно, завтра за ужином подробно обсудим твою судьбу. Мне бежать надо, у меня ванна наполнилась уже.

– Давай, иди купай свои старческие телеса.

– Фу. До завтра, Людмила.

– Всего доброго, Светлана, – не осталась в долгу Василькова и бросила трубку.

Мы с ней обе сократили свои имена до «Ланы» и «Милы», так как нам не нравились полные версии. Не зря все-таки подруги.

Ванна с розовой солью и пеной с ароматом пачули зашла на ура. Раньше я понятия не имела, как выглядит и пахнет пачули, но мне очень нравилось само слово – «па-чу-ли, па-чу-ли»… Интересное же? А потом я услышала упоминание о нем в фильме «Значит, война». Там

герой Криса Пайна пользовался туалетной водой с ароматом пачули. Моя восприимчивая душа отреагировала молниеносно: актер, который мне нравится, плюс запах загадочного растения, название которого меня так привлекало последнее время. Это ли не знак? На следующий день я стояла в магазине с натуральной косметикой и исследовала полки с эфирными маслами. Пряный древесный аромат настолько пришелся мне по душе, что я обошла весь ассортимент магазина и приобрела сразу несколько продуктов с понравившимся запахом. Теперь в гостиной на журнальном столике красуется диффузор, источающий аромат пачули, а в ванной у меня целый комплект всяких женских прелестей: гель для душа, шампунь и бальзам для волос, пена для ванны – и все с ароматом пачули. Все же не зря меня Василькова иногда маньячкой обзывает.

Я наблюдала за тем, как огромные хлопья пены медленно скользят по коже, успокаивая раздражение от обгорания. Как мало нам, девушкам, все-таки нужно для счастья. Час расслабляющих водных процедур с последующими после них ритуалами и уходом за собой любимой – и все, можно жить дальше! Не хватает только огромной порции черничного мороженого и просмотра любимого сериала. Но нет ничего невозможного для человека с интеллектом, а точнее – с умением пользоваться приложением для службы доставки. Даже выходить из ванны не нужно. Вуаля – и через десять минут я, свежеблагоухающая, с тюрбаном на голове и питательной маской на лице, иду открывать дверь курьеру.

Небрежный сначала взгляд парня, наклонившегося вытащить ведро мороженого из термопакета, озарился недоумением, когда я предстала перед ним в таком необычном виде. Кажется, он сдержал ухмылку и постарался придать лицу как можно более бесстрастное выражение.

– Благодарю, – я взяла мороженое из рук курьера и подарила ему очень скромную улыбку – на большее я была неспособна: маска неприятно стягивала кожу, стоило уголкам моих губ подняться выше.

– Может, вам компанию составить? Сомневаюсь, что такая хрупкая девушка, как вы, сможет осилить такую огромную порцию мороженого, – парень поиграл бровями, видимо, считая себя королем флирта.

Его взгляд скользнул по моим голым ногам – я непредусмотрительно успела облачиться только в пижаму с довольно короткими шортиками. Каюсь, тут мой косяк. Но все равно неприятно.

– Не волнуйтесь, у такой хрупкой девушки очень быстрый обмен веществ – сама без проблем справится, – и, оставив его переваривать сказанное, я хлопнула дверью перед его носом и повернула замок.

Непрофессиональные нынче курьеры пошли.

Позже, выковыривая остатки черничного мороженого из ведерка и досматривая серию «Офиса», я неожиданно вспомнила о парне с корабля. Интересно, а как бы он отреагировал, увидев меня с маской на лице и полотенцем на голове? Голые ноги он уже имел удовольствие лицезреть.

Тряхнув головой, чтобы отбросить странные и ненужные в двенадцатом часу ночи мысли, я закрыла крышку ноутбука и уютно устроилась под одеялом. Пора было спать и настраиваться на будничную реальность, в которой не было места грезам и мечтам о прекрасных незнакомцах.

Я с удовольствием закрыла глаза. Завтра меня ждал первый рабочий день после отпуска.

3.

– Я готова слона съесть, – с набитым ртом произнесла Василькова, засовывая в рот огромный кусок курицы из своей порции «Цезаря» и закатывая глаза от удовольствия. – Боже, это какой-то гастрономический оргазм!

Как и договаривались, мы с Милкой встретились в «Кубе» – кафе, которое располагалось ровно посередине между нашими местами работы. Тут всегда было вкусно, сравнительно недорого для заведения такого уровня в центре и уютно.

Я наполнила чашку ароматным имбирным чаем из пузатого стеклянного чайника и с наслаждением вдохнула запах, прежде чем сделать глоток.

– Я бы выпила чего покрепче, – заметила подруга, проследив за моими движениями.

– Ты же знаешь, что я не пью, – я укоризненно посмотрела на нее, но Мила лишь отмахнулась.

– Так-то и я только по праздникам, но сейчас, считаю, есть веский повод, – она хитро глянула на меня.

– Давай выкладывай, что там у тебя?

Милка еще пару минут поломалась, пытаясь, так сказать, навести интригу, но, увидев, что я лишь устало выцеживаю чай из чашки, глубоко вздохнула и перешла к сути:

– Кемаль приезжает на этих выходных! – она замерла, словно готовясь хлопнуть в ладоши, и уставилась на меня в ожидании реакции.

Я сделала последний глоток и осторожно положила чашку перед собой. Тут надо действовать аккуратно, чтобы не обидеть подругу резким комментарием, поэтому я мысленно собралась.

– Разве это не здорово? – Василькова пытливо заглянула мне в глаза.

Поддержку ищет, надеется, что я тут же разделю ее воодушевление, но меня, в отличие от подруги, терзали смутные сомнения.

– Вы знакомы всего-ничего, – начала я. – Даже на одном языке не разговариваете.

– Вообще-то, я турецкий начала учить, – оскорбилась Милка и подцепила вилкой еще один кусок мяса. – А он – английский, вот так вот!

Угу, ты еще язык покажи, мрачно подумала я. Василькова обиженно жевала свой салат, глядя куда угодно, только не на меня. Расстроилась, конечно. Я мысленно дала себе пинка – ну знала ведь, что подруга очень эмоционально на все реагирует, могла бы и одобрение какое из себя выдавить.

В конце концов, чего я сразу о плохом думаю? Может, у этого Кемаля действительно самые серьезные намерения. Все ведь бывает в этой жизни. Вот мне мама все время говорит, что у меня всегда стакан наполовину пуст, и вообще, если бы я позитивнее смотрела на вещи, жить мне было бы проще. Мол, нужно верить в лучшее. У меня же другая философия: уж лучше быть готовым к худшему, а потом радоваться тому, что опасения не сбылись, чем рыдать, собирая осколки рухнувших надежд. Вот тогда не будет никаких лишних разочарований.

Помаявшись еще минуту, я наконец положила руку на Милкину ладонь в примирительном жесте.

– Ну прости меня, – улыбнулась я, стараясь выхватить ее все еще обиженный взгляд. – Ты же знаешь, я вечно во всем сомневаюсь. А еще, – она наконец на меня посмотрела, – я просто за тебя переживаю, вот и все.

– Да не надо за меня переживать, – мягко упрекнула меня Василькова, – ты лучше о себе научись заботиться. Поменьше заморачивайся, думай больше о себе. Вот скажи, – она прищурилась, – жалеешь, что тогда так и не познакомилась с тем красавцем на корабле?

Ишь чего! Да я уж и думать забыла о нем. А Милка, оказывается, что-то там заметила, еще и выводы свои сделала. Все успела. А я думала, ее новый любовный дурман под названием «Кемаль» полностью окутал.

– Я даже не помню, как он выглядел, – соврала я и поспешила сменить тему: – Ко мне сегодня ни с того ни с сего Пашка подкатывать начал.

– Ого! – Мила оживилась, как всегда, когда дело пахло новыми сплетнями. – Напомни, это кто такой?

Паша работал айтишником в нашей конторе. Обаятельный добродушный парень, высокий и крепкий, напоминает чем-то героя Джона Красински из сериала «Офис» – такой же милый и приветливый. Мы с Пашкой общались не то чтобы очень часто, но, если пересекались в нашем довольно широком рабочем пространстве, всегда обменивались новостями и могли обсудить что-нибудь интересное или посмеяться за чашкой кофе, если оставались обедать в офисе. Раньше он вел себя очень непринужденно и по-дружески, никаких любовных флюидов и искр между нами не летало, а сегодня он вдруг предложил как-нибудь встретиться за пределами конторы. Я от неожиданности растерялась и сразу согласилась, мол, конечно, почему бы и нет. Как раз сижу и жду, что пригласишь.

А уже когда он ушел к себе в заваленный мониторами и проводами темный кабинет, я мысленно треснула себя по башке: «Зачем оно тебе, Лана, надо?» Во-первых, зачем окунаться в новые отношения, когда дома диван после измены козла-бывшего еще, как говорится, «не остыл», а во-вторых, зачем портить такие замечательные дружеские отношения с коллегой? Если ничего не выйдет, потом обоим будет неловко, общаться, как раньше, уже не получится.

Зато Милка загорелась так, будто это ее, а не меня на свидание позвали.

– Ланка, так это же здорово! Забудешь наконец бывшего, начнешь новые отношения! О, – она аж на стуле заерзала от возбуждения, – давайте на двойное свидание сходим! Ну, когда Кемаль ко мне приедет.

Я тут же яростно замахала головой, пока она нам двойную свадьбу планировать не начала.

– Ну тебя и заносит иногда, конечно, – попеняла я ей. – Какое двойное свидание? Ты в своем уме?

– А что такого? – невозмутимо спросила Василькова. – Я же тебе не в постель к нему прыгать сразу предлагаю. Хотя…

Она ойкнула, когда я кинула в нее скомканной бумажной салфеткой.

Милу иногда заносит, но она моя лучшая подруга, родной человек, и не знаю, что бы я без нее делала.

Мы познакомились в пятом классе. Ее семья переехала в наш город из какой-то деревеньки, я даже названия ее не слышала до того, как познакомилась с Милкой. Наша классная, Раиса Ильинична, привела ее за руку в кабинет литературы со словами: «Дети, это ваша новая одноклассница – Людмила Василькова. Прошу любить и жаловать!» И Милка тут же показала свой характер, тихо, но уверенно попросив называть ее Милой. Так и сказала: «Впредь зовите меня Милой, пожалуйста!» И поправила лежавшие на носу очки в роговой оправе, которые тогда еще носила. Раиса Ильинична с удивлением посмотрела на уже вовсю качающую свои права малявку, но в итоге попыталась принять максимально серьезный вид и согласно кивнула.

Милу посадили рядом со мной – за вторую парту в первом ряду. Она деловито доставала свои канцелярские принадлежности из розового рюкзака с единорогами и красиво складывала их ровным рядком на парту, а я смотрела на ее светлые, словно льняные, как у моей любимой Барби, волосы и ярко-голубые глаза и думала, что красивее девочки я раньше не встречала. Закончив обустраиваться, Мила наконец села на стул, повернулась ко мне всем корпусом и произнесла фразу, после которой я поняла – это начало крепкой дружбы: «Мне нравится», – она кивнула на мою тетрадку с «Черепашками-ниндзя», – «У меня такая же есть, только там еще Мастер Сплинтер».

Так мы и просидели за одной партой до конца школы. Мы были не разлей вода, инь-яном, она – светленькая, я – темненькая. И, даже несмотря на то, что характеры у нас были совершенно разные – я спокойная и рассудительная, а Василькова – вихрь и буря, мы всегда были вместе и почти никогда не ссорились. Бывали у нас, конечно, споры и разногласия, но дружба была крепче.

После школы мы обе поехали в столицу, учились в одном университете: я – на факультете журналистики, а Милка – на экономическом. И даже работу обе нашли почти по специальности: я – в издательстве, о чем всегда мечтала, а Мила устроилась финансовым аналитиком в крупную фирму.

Мы словно жили жизнью типичных киношных или сериальных подружек, которые работают в одном городе, сами себя обеспечивают, а после насыщенного трудового дня собираются в любимом месте, чтобы отдохнуть, побаловать себя вкусной едой и кофе и посплетничать.

– Значит, в эти выходные рассчитывать на тебя бесполезно, – я нервно нажала на кнопку сброса звонка, когда экран в очередной раз загорелся от звонка Антона.

Мила проследила взглядом за моим движением и закатила глаза.

– Добавь его уже в черный список, – посоветовала она.

Василькова никогда не любила Антона. Называла его «прилизанным маменькиным сынком», хотя он уже давно не жил с родителями и вообще не так уж часто с ними общался. Милка считала, что он чересчур инфантилен, недостаточно мужествен и абсолютно негармонично смотрится рядом со мной. «Тебе нужен уверенный в себе самец, а не это недоразумение», – фыркала она, стоило Антону лишний раз заговорить о планах на нашу свадьбу. Ее воротило, когда он чмокал меня в щеку при каждом удобном и не очень случае и когда называл меня исключительно «любимой» и «милой». Пару раз она даже приставляла два вытянутых пальца ко рту, наглядно показывая, как ее тошнит от этой излишней романтичной показухи. Я делала вид, что обижалась на ее пренебрежительное отношение к моей личной жизни, мол, кто еще кого должен учить, но в глубине души не могла ее за это винить. Мне самой часто претили приторные попытки Антона «пометить территорию» и доказать всем, что у нас идеальные отношения. Наверное, если бы он мне не изменил, я сама бы рано или поздно порвала с ним.

– Можешь обижаться сколько хочешь, – Милка помешала чай в чашке и сделала большой глоток, – но твой Антон – настоящий паразит.

– Он не мой, – автоматически поправила я.

Подруга дернула плечом, мол, не суть.

– Устроился как во дворце: в чужой квартире, в центре, на готовеньком. Могу поспорить, вы за коммуналку вместе платили.

Я промолчала. К чему споры – Василькова знала меня как никто другой. Ну да, меня вовсе не тяготил тот факт, что мой парень жил в моей квартире. Он же не альфонс, в конце концов. Тоже работал, не протирал штаны. А то, что у меня было свое жилье, – что, кстати, тоже счастливая случайность! – так не всем так везет. Ну а что козлом редкостным оказался и не смог держать джинсы застегнутыми – это, скорее, вопрос ко мне и моему умению разбираться в людях.

В свое оправдание могу сказать, что с Антоном у меня были первые серьезные отношения. Раньше я, конечно, гуляла с парнями, но это так, ни к чему не обязывающие свидания. Поэтому неприятный осадок после измены, конечно, остался.

– Мой тебе совет, – Милка снова окинула меня взглядом «слушай сюда – учить буду!», – иди на свидание с этим Пашей. Посидите в каком-нибудь приятном месте, поболтаете, узнаете друг друга ближе. Если искра не вспыхнет – есть проверенный трюк: в конце свидания одариваешь его признательным взглядом и как бы невзначай кидаешь фразу: «Спасибо за замечательный вечер. Давно хотела выбраться куда-нибудь с друзьями по работе!»

– Это жестоко, – я покачала головой.

– Зато по-честному, – отрезала Милка. – И вообще, может, у вас все закрутится. Это я на случай, если все пройдет тухло.

Мне не очень верилось, что у нас с Пашей что-то может получиться, но и категоричного желания отказываться попробовать не было. До выходных определюсь, решила я.

Мы с Милой договорились, что встретимся еще раз на неделе – она хотела пройтись по магазинам, чтобы купить наряд для встречи с Кемалем. Меньше шопинга я люблю только бег по утрам в парке. В конце концов, не зря сейчас онлайн-магазины набирают такую популярность. Сидишь себе дома, кидаешь наряды в корзину, курьер доставляет все прямо до двери – тебе только и остается, что примерить и либо купить, либо вернуть вещь, если не подошла по размеру. Удобнее не придумаешь. Но нет – Васильковой приспичило бегать как замыленная лошадь весь день по торговым центрам в поисках «того самого платья».

Попрощавшись и чмокнув друг друга в щеку, мы с подругой разошлись в разные стороны. Мне еще нужно было ехать к маме. Если честно, я ужасно устала и мне хотелось поехать поскорее домой, но я уже обещала матери. Да и Уголька надо забрать – соскучилась до жути по этому мохнатому чудовищу. Я купила в кондитерской рядом с домом мамин любимый торт – «Медовик» – и вызвала такси. Выходило, конечно, дороговато, но я так устала, что мотаться сейчас по электричкам и автобусам было выше моих сил.

Маму я увидела сразу, как только моя нога ступила на размытую дождями проселочную дорогу. Ее красная косынка горела ярким пятном в сумерках во дворе. Мать надевала ее, когда занималась делами по хозяйству. Наверняка поливала свои любимые розы. Мне ее любовь к цветам не передалась. У меня в квартире как-то завелась орхидея – подарок Антона, но быстро зачахла, потому что садовод из меня никудышный. Я смирилась с этим фактом и купила кактус – самое неприхотливое растение, у которого все-таки есть какой-никакой шанс выжить в моем доме.

Мама, как я и ожидала, стояла на дорожке у оранжереи с лейкой в руках, вытирая потный лоб второй рукой, в которой поблескивали металлические концы садовых ножниц. У ее ног крутился Уголек, которого я не сразу заметила – он практически слился с темной землей. Увидев меня, котище бросился ко мне, громко мяукая. Я засмеялась и взяла его черную тушку на руки, ласково поглаживая лохматое пузо. Уголек довольно замурчал.

– С приездом, – мама тепло улыбнулась и обняла меня, положив лейку и ножницы на землю. От нее пахло пирогами и ягодами: аромат стряпни, которую она готовит нон-стоп, смешался с запахом духов. Это ее любимые, ягодные – папа в первый раз в студенчестве подарил ей такие, когда приехал из-за границы. Она, по его и ее словам, была в восторге. Папа не прекращал ей их возить, даже когда не получалось выбраться из-за работы – все равно каким-то чудом умудрялся их для нее доставать. А позже они появились и у нас в городе. После смерти отца мама сама начала их себе покупать. Ей казалось, что так ее связь с папой становилась будто еще крепче.

Мы зашли в дом, и запах выпечки стал сильнее.

– Иди мой руки и давай за стол, – мама засуетилась, доставая из кухонного буфета кружки, мои любимые: с мультяшными диснеевскими персонажами, из которых я пила чай еще в детстве.

Пока я была в ванной, кухня успела превратиться в банкетный зал: мама словно ждала в гости человек десять, не меньше.

– Мы не лопнем? – поинтересовалась я, садясь за ломящийся от блюд стол.

– Не знаю, чем вы там с Милкой в Турции занимались, – мама покачала головой, – одна кожа да кости, смотреть страшно! Ты скоро исчезнешь! Пока пару кило не наберешь, не выпущу.

Я фыркнула. Видела бы она, как мы объедались в ничем не приметных с первого взгляда кафешках в южной стране! Кроме заказанных блюд, нам приносили еще кучу «комплиментов»

от шеф-повара. Мы с Васильковой не могли дышать и буквально выкатывались из-за стола, каждый раз зарекаясь не есть как минимум две недели после такого праздника живота. Но на следующий день все повторялось. И так до конца отпуска. Теперь я собиралась снова взять себя в руки, но у моей матери свои планы.

– Да я пять килограмм как минимум набрала! – возмутилась я. – Придется в зале отрабатывать.

– Ой-ой, – мама пренебрежительно махнула рукой. – Придумываете себе проблемы на пустом месте. Тебе, наоборот, поправиться не помешает. Пару лет назад у тебя такой аппетит хороший был, и щечки такие очаровательные, – она мечтательно вздохнула, – куда только все делось…

Я мысленно перекрестилась – не надо мне больше такого счастья. Это я на четвертом курсе от стресса во время экзаменов повадилась питаться одними пельмешками и булками из университетской столовой. Булочки были вкуснющие, как сейчас помню: свежайшие и хрустящие, щедро покрытые шоколадной глазурью, с маком. Успешно проглатывались в любое время суток, особенно с какао или молоком с медом. Опомнилась я лишь тогда, когда однажды утром в зеркале вместо своего милого личика лицезрела расплывшуюся мордочку с хомячьими щеками. Последней каплей стали любимые джинсы, которые вдруг ни с того ни с сего отказались налезать на меня. Я аж опешила, с недоумением разглядывая образовавшиеся за довольно короткое время метаморфозы. Срочно купила абонемент в спортзал и Милку за собой потащила. Подруга сначала отнекивалась, а потом, увидев, сколько в качалке симпатичных парней, загорелась и даже без меня бегала туда крутить педали на велотренажере.

Я никогда не была помешана на диетах, но за питанием после того неразборчивого периода стала следить куда более тщательно. Привела себя в форму, сбросила лишние килограммы. Конечно, сладости и любимую выпечку я себе до сих пор могу позволить, но уже в разумных количествах.

И вот, когда я прошла сквозь огонь, воду и турецкие гастрономические соблазны, собственная мать приготовила для меня такую коварную ловушку. Ладно, сегодня можно. Да и маму обижать не стоит. Она старалась, стряпала.

Глядя на обилие пирожков передо мной, я осторожно выхватила один из плетеной корзинки и аккуратно надкусила. С вишней – мои любимые.

Мама залюбовалась тем, как ее дитя предается одному из семи смертных грехов, и, убедившись, что я прожевала все до последней крошки, расслабленно откинулась на спинку стула и принялась потягивать голый чай.

– Антон твой не объявлялся? – как бы между прочим спросила она.

– Он уже не мой, – поправила я. – Пишет и названивает постоянно, но в квартиру пока не приезжал. И слава богу.

Мама осторожно отхлебнула из кружки с Тимоном и Пумбой.

– Я тут подумала, – она запнулась, – Может, зря ты его сразу выгнала. Сгоряча, толком и не объяснившись с ним…

Я с удивлением уставилась на маму. Вот уж от кого, а от нее я таких слов не ожидала. У нас с ней почти не было секретов друг от друга, и я ей прямо признавалась раньше, что к Антону не испытываю никаких сильных чувств. Так, скорее, привязанность. Да и Антон, если уж совсем откровенно, ей не очень-то нравился. Но она никогда не вмешивалась в наши отношения, могла дать совет, если я сама просила. А тут вдруг такое.

– Я тебя не совсем понимаю.

– А что тут непонятного? – с какой-то вдруг горечью произнесла она. – Ты хотя бы не будешь одна.

Мама несла откровенную чушь. Я даже про чай забыла.

– С каких это пор для тебя стало нормальным проводить жизнь с кем попало, но лишь бы не одной. Помнится, ты сама Антона не очень жаловала. А теперь мне, значит, лучше с ним?

Она опустила глаза и как-то внезапно осунулась вся. Потом взяла меня за руку и крепко стиснула ладонь.

– Прости, я сама не знаю, что говорю. Мне просто на какой-то момент показалось, что вся моя жизнь – череда бессмысленных решений. Вот я вышла замуж за любимого человека, лелеяла счастье, которое у нас было, и все так бездарно закончилось. Всегда слушала свое сердце и радовалась, что твой отец поддерживал меня во всем. Остался жить здесь, со мной, отказавшись от всех благ и удобств, а в итоге… – она судорожно всхлипнула, и я накрыла сжимавшую меня руку своей. Но ее глаза оставались сухими, только между бровями еще явственнее пролегла морщинка. – А в итоге любовь оказалась разрушительной.

– Не говори так! Не смей! – горячо возразила я. – Ваша любовь – это самое прекрасное, что могло случиться. Я бы все отдала, чтобы и у меня в жизни было так.

Я так радовалась, когда смотрела на родителей, они были безумно счастливы. Без слов было понятно, что для них обоих нет ничего важнее друг друга и меня. Я купалась в их любви и всегда думала, что тоже когда-нибудь, как и мама, встречу лучшего мужчину на земле и буду для него всем. После смерти папы на меня напало какое-то отчаяние, а потом и вовсе появилась уверенность, что любовь, как у родителей, бывает раз в сто лет и мне-то уж точно не светит. Антона я приняла за меньшее из зол, как будто с какой-то обреченностью решила, что вот оно – то, чего я достойна. В очередной раз задумываюсь теперь, что, наверное, его измена тоже несла за собой какой-то скрытый смысл, хоть я и не верю во все эти знаки и прочую чепуху. У меня словно пелена с глаз упала. Я с ужасом осознала, что чуть не связала свою жизнь с абсолютно «не моим» человеком.

– Прости меня, дочь, – мама оторвала клочок от бумажного полотенца и вытерла выкатившуюся все-таки слезу. – Ты знаешь, я всегда думала – пусть что хотят, то и говорят. И родители его, особенно Ирина Анатольевна, сто раз обвиняли меня в том, что, если бы не я и мои капризы, Вадим остался бы жив. Я не позволяла плохим мыслям завладевать мной, но это так трудно… – ее голос снова сорвался, но она, прочистив горло, упрямо продолжила, и я поняла, что ей это необходимо – выговориться. – Так трудно сохранять веру в то, что настоящую любовь нельзя разрушить. И не поддаваться мысли, что я не… что я могла бы уберечь его от случившегося, если бы сделала раньше другой выбор.

– Если бы мы могли знать, что будет с нами в будущем, мы бы сошли с ума, – я мягко улыбнулась, погладив тыльную сторону маминой ладони. – Ты не можешь быть в ответе за то, что случится, только лишь потому, что выбираешь то, что тебе дорого. Папа никогда не тяготился жизнью здесь, он был счастлив. Я это знаю, – я поймала мамин взгляд, – и ты тоже знаешь.

Мы с мамой проговорили до самой ночи, сидя за кухонным столом и подливая в кружки чай. Ехать обратно в город было уже слишком поздно, да и, если честно, не хотелось, несмотря на то что завтра нужно было рано вставать, чтобы заехать сначала домой и оставить там котенка, а потом – на работу.

Спала я в своей старой комнате, с Угольком в обнимку. Он привычно расположился под моим боком, свернувшись клубочком, и задремал с тихим мурчанием. На полке с книгами тикали часы с будильником в виде чайника – они будили меня еще в школьные годы. В комнате было очень светло – полнолуние. Последнее время меня часто мучает бессонница, и Милка, которая серьезно верит во всякую астрологическую ахинею, с пеной у рта убеждает меня, что это связано с фазой луны. Я сначала фыркала, но я и правда стала замечать, что плохо сплю именно в полнолуние. Приготовилась, что предстоящая ночь тоже будет бессонной, но буквально через пару минут мои веки приятно отяжелели, и последнее, о чем я успела подумать, – пирожки с вишней в этот раз у мамы получились особенно вкусными, надо бы взять рецепт.

4.

– Хочешь, я и тебе такую прогу установлю?

Паша чувствовал себя не в своей тарелке, это было заметно. И, хотя его черная толстовка с надписью «Нечего ждать. Некому верить.»[5] и очаровательно взъерошенные темно-русые кудряшки вкупе с отросшей щетиной очень гармонично сочетались с антуражем и тематикой музыкального бара, в котором мы сидели, сам он наверняка думал о том, что зря доверил выбирать место для свидания мне. Хотя откуда мне было знать, что общительный и вечно жизнерадостный в офисе Пашка полностью оправдает стереотипы о нелюдимых программистах, когда мы окажемся в не связанном с нашей деятельностью месте. А с другой стороны, есть ли вероятность того, что ему будет комфортно в любом другом общественном заведении?

Пашка – невероятно милый. Смотреть, как он краснеет, когда на него глазеет хищного вида длинноволосая брюнетка в откровенном красном мини за стойкой напротив нашего столика, – одно удовольствие. Можете называть меня жестокой, но меня это трогает до невозможности. На самом деле, Паша очень симпатичный, и брюнетку с голодным взглядом в чем-то можно понять, хоть от ее поведения и веет отчаянием. Наверное, у нормальной девушки такое пристальное внимание к ее спутнику должно вызывать ревность, а не умиление, но что уж поделать – я давно подозревала, что я странная. А может, я просто понимала, что брюнетке не на что рассчитывать.

Пашка кинул на нее очередной испуганный взгляд и, когда она провела языком по накрашенным алой помадой губам и плотоядно улыбнулась, нервно сглотнул.

– Давай, – ответила я на его вопрос о программе, которую он предложил установить на мой рабочий комп, чтобы мне было проще организовывать свои файлы.

Пашка улыбнулся и сделал глоток пива из высокого стакана.

– Так значит, в Турции отдыхала? Я все никак не решусь туда поехать после баек о заполонивших все отели соотечественниках.

– Места надо знать! – хитро подмигнула я. – Мы с Милкой специально выбирали нераспиаренное место. И знаешь – не прогадали совсем. Нам очень понравилось, я сама не ожидала.

– Круто! А Милка – это у нас кто?

– Милка – лучшая подруга и по совместительству мой партнер по всяким шалостям.

Взгляд Пашки лукаво сверкнул, и я сразу вспыхнула, поняв, как двусмысленно прозвучала последняя часть фразы.

– В смысле, она постоянно ищет приключений на свою пятую точку и втягивает меня во всякого рода авантюры, – хотела я объяснить, но, кажется, только лишь усугубила ситуацию.

Паша благоразумно не стал развивать тему интересного досуга с подругой и, хмыкнув, принялся рассказывать о том, как планирует провести свой отпуск. Они с друзьями собирались в Таиланд – покорять океанские волны и исследовать местную водную флору и фауну.

– Лететь зимой или осенью в Тай или на Бали – самый смак, – Пашка до того увлекся, что даже забыл о вгоняющей его в ужас брюнетке. – Жалко, что ты свой отпуск уже отгуляла – съездила бы с нами. Уверен на миллион процентов, что тебе понравится!

Предложение, конечно, очень заманчивое, но рисковать потерей любимой работы ради возможности погреть в очередной раз свои телеса в райской стране все же не стоит.

Группа, которая играла на сцене в баре, видимо, исполнила весь заготовленный репертуар и начала потихоньку собираться, сматывая провода и засовывая свои инструменты в чехлы. Парень, который час назад принимал наш заказ, схватил микрофон и объявил о коротком перерыве, после которого нас ожидало выступление еще одной очень крутой, по его словам, группы.

– Если это будет очередной бойз-бэнд с претензией на андеграунд, предлагаю валить отсюда, – Пашка пренебрежительно качнул плечом, словно отмахиваясь от озвученной им перспективы.

– Тебе, Антонов, вечно все не то, – в шутку побранила я его. – Скажи честно – совсем неуютно тебе тут?

Вообще, интересная у меня личная жизнь, однако: бывшего парня зовут Антон, у теперешнего, хм, претендента на эту роль фамилия – Антонов.

Пашка смутился, наверное, думал, я не заметила, что ему тут некомфортно.

– Да не в месте дело, – левый уголок его губ нервно дернулся, и он едва заметно кивнул в сторону девушки, которая все это время, как заколдованная, смотрела в его сторону и сверлила настойчивым и заинтересованным взглядом. – Там просто бывшая моя.

Вот это поворот! Брюнетка уже была тут, когда мы пришли, но я и не думала связывать Пашкино недовольство с ее присутствием, хоть и понимала, что он не в восторге от ее пристального внимания. Я скосила взгляд на девушку и глазами показала, в каком я шоке. Паша лишь пожал плечами, мол, ну что поделать, так вот получилось.

Да уж, представить вместе Антонова и роковую обольстительницу было сложно. Мне казалось, что Пашка таких особ и всерьез-то не воспринимает, а тут, оказывается, такой интересный факт в его биографии имеется.

– А как так получилось, что вы… ну… – я замялась, не зная, как корректнее выразиться. – Ну, просто ты и она, вы такие… разные.

Паша покраснел.

– Да мы толком и не встречались, – замялся он, – так, поужинали как-то вместе.

Он снова осторожно глянул в сторону брюнетки, и тут же его глаза в ужасе расширились – она решительным шагом направлялась в нашу сторону. Меня обдало стойким приторным запахом. Что-то похожее на конфеты «Дюшес», которые мама покупала в детстве.

– Пашечка, а ты это с кем? – брюнетка подарила мне короткий, но полный презрения взгляд и уставилась на Антонова.

– Анфиса! А я смотрю, ты это или не ты, – фальшиво удивился мой сегодняшний спутник.

Анфиса продолжала испепелять бывшего (похоже, только по его мнению) парня сердитым взглядом. На ее правом виске от напряжения отчетливо выделилась тонкая жилка, а лицо покрылось красными пятнами. Похоже, «приветствие» Антонова ее, мягко говоря, не впечатлило.

– Это, по-твоему, нормально – так себя вести? – наконец взорвалась она, и я даже выдохнула про себя от облегчения – уже начала бояться, что она сейчас лопнет от сдерживаемого негодования.

Пашка беспомощно пялился в кружку с пивом и хмурился. Наверное, отчаянно пытался вычитать в пене способ безболезненного выхода из неприятной ситуации.

– Я все ждала, что у тебя проснется совесть и ты сам подойдешь! – распалялась тем временем брюнетка. Выглядела она очень воинственно: руки в боки, горящие праведным гневом глаза и задравшийся еще выше подол красного облегающего платья. – Что хотя бы объяснишь, почему ни разу не позвонил за все это время! А я, между прочим, ждала. А ты в это время, значит, с другими бабами по барам шляешься!

Она наградила меня еще одним полным ненависти взором. Я скромно потупила глаза – еще не хватало мне вмешиваться в их разборки. Да и, судя по всему, связываться с такой особой – себе дороже.

Пашка наконец осмелился поднять голову и посмотреть на Анфису. Та качнула головой и зыркнула на него еще более устрашающе – мол, либо ты соизволишь мне наконец ответить,

либо жди последствий. Я мысленно попросила Антонова не тупить и сказать уже хоть что-нибудь.

– Анфиса, я тебе вроде все тогда подробно объяснил. Думал, мы расстались друзьями. Ну пойми ты – мы слишком разные. Тебе нужен кто-нибудь… побрутальнее, – я кашлянула в кулак, и Анфиса в очередной раз опалила меня злым взглядом. – Такая яркая женщина как ты, Анфиса, заслуживает мужчину, который сможет дать ей все. А с меня что взять? Я всего лишь бедный айтишник.

– Но у тебя же батя – миллионер. Ой… – она запнулась, видимо, сообразив, что ляпнула не то и сдала себя с потрохами. – То есть, у тебя такой пример для подражания, а ты совсем не веришь в себя. Я могла бы… помочь тебе, направить твои, хм, таланты и ресурсы в нужное русло, – ее за минуту до этого гневный голос приобрел медовые и томные нотки. Вот же, истинная женская натура.

– Прости, Анфиса, – Антонов мягко, но твердо посмотрел ей в глаза, – но мы не будем с тобой вместе. И вообще, – он кивнул на меня, – я тут с невестой. Мы как раз, – он запнулся, – подачу заявления в ЗАГС празднуем.

Я округлила глаза от такого поворота, но вовремя приняла бесстрастный вид, пока Анфиса не заметила, что я не менее в шоке от слов Паши, чем она сама. Но в этот раз она на меня даже не посмотрела. Наверное, потому что была занята делом поважнее.

Антонов тер покрасневшую щеку и смотрел на эффектно удаляющуюся в сторону выхода брюнетку.

– Совсем забыл, какая у нее тяжелая рука, – тоскливо произнес он и потянулся к недопитому пиву.

– Так значит, – я ухмыльнулась, – твой батя – миллионер?

Тяжелый Пашкин вздох вобрал в себя всю бренность бытия.

– Это мой крест. Думал, хоть с тобой удастся подольше сохранить иллюзию.

Оказавшийся наследником богатого состояния Антонов, который бегал от алчных бывших и прикидывался бедным программистом в книжном издательстве, стал мне еще симпатичнее. По крайней мере, теперь мне больше не нужно было бояться, что ему некомфортно в моей компании и он чурается людных мест. Разве что, если в них случайно не окажется охотящейся за его деньгами Анфисы.

По Пашкиному рассказу, со жгучей брюнеткой он познакомился в клубе. Поддался уговорам лучшего друга и плюс ко всему умудрился напиться до такого состояния, что не мог вспомнить, как на следующее утро оказался в одной постели с ненасытной Анфисой. Когда понял, во что вляпался, – было уже поздно. Игорь – друг Паши – успел рассказать девушке половину биографии Антонова, и она неимоверно обрадовалась такому удачному знакомству. В тот же день она потащила его в один из самых модных ресторанов города и заказала половину меню, одновременно рассуждая на тему того, как они с Пашкой теперь хорошо заживут. Самостоятельно записала себя в его сожительницы и даже намекала на кровь из носу необходимое скорое свадебное торжество. Посадив будущую самопровозглашенную невесту в такси, Антонов вытер пот со лба и, высказав Игорю по телефону все, что о нем думает, поехал к себе. Повезло еще, что ту злосчастную ночь после клуба они провели не в Пашкиной квартире, а то пришлось бы искать новое место жительства, чтобы спрятаться от чересчур предприимчивой новой знакомой. Антонов добавил Анфису в черный список, строго-настрого наказал Игорю не распространять о нем больше никакой информации и уже даже почти забыл об этой истории. И вот тебе и здрасте: Судьба, явно возомнившая себя Розой Сябитовой, сегодня предприняла очередную неуклюжую попытку свести их вместе.

Вообще Пашка – человек, милее и добродушнее которого днем с огнем не сыщешь. Поэтому спектакль, который он разыграл несколько минут назад перед Анфисой, дался ему с большим трудом и морально его истощил.

– Ты прости, что я тебя в свои невесты записал без твоего согласия, – он виновато улыбнулся.

– Да ладно, чего уж там. Всегда готова, – усмехнулась я. – Если что, я шучу. А то подумаешь еще, что меня тоже твое наследство заинтересовало.

– По тебе сразу видно, что ты не такая, – покачал головой Антонов.

– А какая я? – во мне вдруг включилось кокетство.

– Настоящая, – не задумываясь сказал Паша. – Тебя деньгами не заманишь. И это даже немножко обидно. Не сочти за грубость, – с ложной скромностью добавил он.

Игривое настроение тут же испарилось. Мне стало одновременно очень хорошо и очень плохо. Приятно слышать такие слова о себе, вдвойне приятно – от приятного человека. Плохо, когда я представила, что готова была отказаться от своих когда-то железных принципов и чуть не связала свою жизнь с человеком, с которым не чувствовала себя любимой и которого не любила.

– Я сказал что-то не то, да? – Антонов тут же заволновался. – Прости, я часто несу чушь, и ее не все понимают.

– Нет-нет, – я поспешила его успокоить и тепло улыбнулась, – наоборот – мне мало кто говорил такие приятные слова.

Теперь, когда Антонов наконец расслабился и стал тем Пашкой, которого я знаю и с которым могу болтать часами напролет, мы говорили обо всем и ни о чем. Давно я так хорошо не проводила время. Ну, если не считать Турцию, конечно.

С Пашей было весело и легко. И я чувствовала, что и ему нравится со мной тусоваться. Хорошая все-таки была идея – согласиться пойти с ним на свидание. Хотя искры между нами никакой так и не пробежало. С Пашкой здорово делиться секретами, как с Милкой, как бы это кощунственно ни звучало. Поэтому я все же немного напряглась, когда Антонов пригласил меня потанцевать. А ну как сейчас наступит этот неловкий момент: слишком тесное пространство, плечо к плечу, глаза в глаза и напрашивающийся сам собой поцелуй. Медленная композиция, которую исполняла та самая расхваливаемая официантом «крутая группа», добавляла еще большей интимности. Антонов уверенно вел меня в танце. Он него пахло – подумать только! – пачули. От смеси удивления, легкого страха и, как ни странно, спокойствия, я немного сбилась с шага и наступила на ногу Паше.

– Прости, – шепнула я ему в ухо. – Надо было тебя сразу предупредить: танцор из меня ужасный.

– Да я уже давно понял, какая ты неуклюжая. Еще тогда, когда ты опрокинула монитор на моем столе, – ровным голосом произнес Пашка, и я прыснула. – Поэтому знал, на что иду.

Ну да, был за мной такой грешок. Антона, помнится, иногда выводил из себя мой «талант» то ронять вещи, то промахиваться мимо двери – прямо в косяк. Обычное дело. А вот Паша вовсю забавлялся. По-доброму так. Напряжение резко ушло, и я расслабилась в объятиях Антонова. Аромат пачули, наверное, возымел свой обычный эффект.

– Скажи мне, Брусникина, – низкий голос Пашки перебил томное «ммм», которое старательно выводил в микрофон фронтмен группы, – у нас с тобой есть шанс?

Я подняла голову и посмотрела на Антонова. Его взгляд был спокойным, даже немного любопытным, словно он собирался проводить эксперимент и рассчитывал в уме вероятность успешного результата.

– Могу сказать только одно, – я лукаво улыбнулась, – уж лучше я буду дружить и ходить на свидания с подпольным миллионером, чем жить с парнем, который мечтает о свадьбе на двести человек с трехуровневым тортом и бутылками шампанского в костюмах жениха и невесты.

Антонов засмеялся и поднял меня в воздух, закружив и чуть не повалив нас обоих на пол.

Домой я приехала под утро – мы с Пашкой зарулили на ночной сеанс в старый кинотеатр на окраине города и смотрели боевик с Ван Даммом. Антонов купил огромное ведро попкорна

и литр колы, и мы умудрились все это впихнуть в себя и хохотали, как долбанутые подростки, которым со всех рядов делают замечания. Благо кроме нас в кинозале никого не было.

Я была довольна. Дружеские свидания надо практиковать как можно чаще – они явно недооценены.

5.

Мила прислала очередное сообщение, извиняясь за опоздание. Это уже начинало раздражать: не то, что подруга задерживается, а то, что в этом был виноват ее спутник, которому, кажется, вообще на остальных было плевать. Есть в русском языке прекрасное слово, характеризующее такое отношение, – называется «неуважение».

– Может, хотя бы по кофейку закажем? – Пашка зевнул и снова посмотрел на часы на запястье. Кажется, он прошлой ночью ночевал на работе, и сейчас ему меньше всего хотелось находиться в кафе и проводить время с незнакомыми людьми. Полагаю, он с удовольствием бы провел эти часы в кровати, плотно зашторив шторы и уютно обнявшись с подушкой. Но утром в его кабинете объявилась я со слезной просьбой не оставлять меня одну.

«Скажи спасибо, что я такой безотказный. Особенно после того, как ты помогла отмазать меня перед бывшей», – проворчал он, когда я на радостях начала отплясывать ламбаду в мрачной каморке, где он обитал вместе с несколькими рабочими мониторами.

Мы с Антоновым успели на этой неделе сходить в кино еще раз после первого свидания. Снова смеялись весь сеанс – в этот раз над приключениями Брэда нашего Питта в японском скоростном поезде[6]. Правда, нам не так повезло, как в прошлый раз – в зале мы были не одни, и один раз на нас даже шикнула старушка, сидевшая перед нами. Мы искренне восхитились вкусом пожилой дамы. Моя бабушка, да будет ей земля пухом, смотрела исключительно новости и старые советские фильмы, а от всяких шедевров западной и голливудской киноиндустрии открещивалась, как от дьявола.

Я не знаю, как назвать наши отношения с Пашкой. Мы ни разу не целовались, но с ним мне было удивительно хорошо. Он – как Милка, только в мужском обличии. Антонов, в свою очередь, тоже ни разу не приставал, лез, правда, с обнимашками, но это было, скорее, в шутку, чем всерьез.

Еще мы о многом болтали. Похоже, Пашка во мне тоже почувствовал родственную душу, потому что иногда откровения из него лились, как шампанское из откупоренной бутылки. Я рассказала ему о семье, о сложных взаимоотношениях между мамой и уже умершей бабушкой, даже об Антоне. Паша слушал очень внимательно и, казалось, вникал в самую суть. Смешно говорить, но в его глазах светилась мудрость повидавшего жизнь человека.

– Удивительный ты, конечно, человек, Брусникина, – выдал он после того, как я вывалила все наболевшее.

– У каждого из нас свои тараканы, – парировала я. – Или скажешь, у тебя в жизни все гладко? Хотя, кого я спрашиваю – у наследника миллионов априори нет проблем.

Я, естественно, шутила, но Антонов все равно дулся. Видимо, в свое время его уже успели достать разговорами на подобную тему.

Пашка все детство провел с сестрой у бабушки в деревне, родителям было на него плевать. Ну, то есть, он так говорил. Отец был занят заработком увеличивающегося в геометрической прогрессии состояния и уже никак не мог остановиться. Мать все свободное время, которого у нее в принципе было в излишке, проводила в салонах красоты и на встречах с подружками в ресторанах. На собственное дитя оба благополучно забили. Очнулись лишь тогда, когда Пашке пришло время выбирать будущую профессию. Он сразу определился: любовь к технике, компьютерам и всевозможным примочкам была уже намертво вшита в его ДНК, поэтому он, долго не думая, собирался подавать документы на факультет информационных технологий и программирования. Антонов-старший вдруг разбушевался. Он-то думал, что сын пойдет по его стопам, выучится на управленца и успешно возглавит процветающую семейную строительную компанию, а Пашка вдруг выдал такой финт. По словам Антонова, скандал тогда в семье был грандиозный – с традиционным крушением мебели и громогласным

и пафосным отречением от отпрыска. «Либо ты делаешь, как говорю я, либо можешь забыть, что ты мой сын, и выматываться отсюда!» – ревел Пашкин папа, надеясь на благоразумие сына, но тот лишь по-быстрому собрал манатки и был таков.

Вот так вот дети крупных предпринимателей оказываются в простенькой студии, днями и ночами копаются в компьютерах и питаются в худшем случае – лапшой быстрого приготовления, в лучшем – пиццей и шедеврами китайской кухни из ближайшей забегаловки. Но Пашка, кажется, абсолютно доволен своей жизнью и ни о чем не жалеет.

С семьей он не то чтобы полностью оборвал связь: мать иногда, редко, но все же звонит ему и интересуется, не нужно ли чего сыну, зовет в гости – естественно, когда отца нет дома. Младшая сестра – Карина – как раз учится там, где угодно папе. Видимо, тот еще не отчаивается возложить всю ответственность за семейное дело на плечи потомства, даже если эти плечи – женские и весьма хрупкие.

Пашка и Карина очень близки и часто видятся. Антонова-старшего это неимоверно злит, но что он может сделать.

Мы с Пашкой заказали по тарелке супа. В конце концов, прошло уже сорок минут, а Васильковой с Кемалем все не было. Телефон звякнул, и на экране высветилось Милкино «Мы почти на месте!» Как раз в этот момент официант положил перед нами две дымящиеся бульонные чашки.

– Наконец-то! – Пашка аж руки потер от предвкушения.

– Не обрызгай слюнками весь стол, – подтрунила я его, но он даже не услышал, тут же набросившись на еду.

Впрочем, я не стала долго им любоваться – у самой желудок противно заныл от возмущения. Я зачерпнула ложкой ароматную оранжевую субстанцию и прикрыла глаза от удовольствия. Тыквенный суп был просто идеален: не слишком сладкий и не слишком соленый.

– Меня Антон, – произнесла я, утолив первый голод и блаженно вздохнув, – время от времени попрекал тем, что я мало готовлю. А мне просто до такого уровня, – я потерла живот, – ой как далеко.

Пашка кинул на меня заинтересованный взгляд.

– Ни за что не поверю, что женщина, у которой столько талантов, плохо готовит, – покачал он головой, но в его глазах плясали чертики.

– Вот скажи мне, – решила я поплакаться, – ты как считаешь? Женщина обязана проводить все свободное время у плиты? И вообще, – я повернулась к Антонову, отодвинув в сторону пустую тарелку и положив локоть на стол, – неужто вас, мужчин, и правда проще всего покорить, наполнив пустые желудки вкусной едой? А как же пища духовная? Разговоры о важном?

– Ты действительно задаешь этот вопрос человеку, который сегодня утром завтракал Роллтоном?

– Да уж, советчик из тебя, прямо скажем, не самый удачный, – я разочарованно откинулась на спинку стула.

– А если серьезно, – Пашка утешительно сжал мою лежавшую на бедре ладонь, – ты – последняя женщина, которая должна переживать, что ее бросят из-за неумения или нежелания готовить, – он весело подмигнул.

– И тем не менее, – я наградила его саркастическим взглядом, – даже такой женщине, как я, изменили.

– Тебе просто не повезло встречаться с придурком. И еда тут абсолютно ни при чем.

– Милка восхитительно, кстати, готовит, – не к месту ляпнула я. Наверное, потому что, несмотря на клятвенные заверения о скором прибытии, подруга так до сих пор и не появилась.

– Милка твоя – бессовестная и безответственная девушка, – Пашка покачал головой, и я хотела было возразить, но передумала – а и правда, вот где их черти носят?

Подошел официант и спросил, все ли в порядке и не хотим ли мы чего-нибудь еще. Но ответить мы не успели.

– Тысяча извинений! – запыхавшийся голос подруги прозвучал прямо над ухом, и я обернулась, уже приготовившись обрушить на нее шквал обвинений, но так и замерла с открытым ртом.

Щеки Васильковой горели румянцем, который, кстати, ей очень шел и придавал еще больше очарования. Она на ходу разматывала шелковый шарфик, продолжая лепетать еще какие-то извинительные речи, но они мгновенно слились с общим фоном, потому что рядом с ней стоял человек, который ну никак не мог сейчас находиться здесь. Разве что это был плод моего больного воображения, ну или вся эта ситуация мне снилась. Да, наверное, именно так. Сейчас прозвенит будильник, и я пойду готовить себе на завтрак творожные вафли.

– Что с тобой? – обеспокоенный голос Пашки проник в мое сознание. – Ты словно привидение увидела?

Я растерянно посмотрела на него. Для сна прикосновение его теплых пальцев к моим щекам было чересчур явственным.

– … таксист еще этот, – между тем рассказывала что-то Милка, – я ему говорю: «По этой дороге мы еще дольше ехать будем!», но он меня вообще не слушал! В итоге мы опоздали почти на час. Сексист хренов! Думает, если я женщина, то дельного совета от меня не жди.

Кемаль, сидевший рядом с ней, едва заметно поморщился. Видимо, Милкина болтовня уже успела его достать. Быстро он, однако, недовольство показывать начал. Но это я заметила мельком, на каком-то периферийном уровне. Все мое внимание было сосредоточено на мужчине, который был занят поиском свободного стула, и, когда услужливый официант наконец поставил этот предмет мебели сбоку от нашего стола, я, не скрывая удивления, уставилась в знакомые темные, практически черные глаза.

Василькова, уловив мой взгляд, тихонько лягнула меня носком туфли по голени.

– Знакомьтесь, это мой молодой человек: Кемаль, – она ласково тронула сидевшего рядом белобрысого парня за предплечье; тот лишь криво улыбнулся. – А это, – она кивнула на моего давнего «знакомого незнакомца» и чуть смутилась, бросив взгляд на меня и как бы извиняясь, – Феликс, его друг. Кемаль еще не очень хорошо говорит по-русски и совсем не знает английского. Поэтому он позвал Феликса, чтобы тот, если что, помог перевести.

Ситуация, мягко говоря, сюрреалистичная. Я смотрела то на Милку, то на Феликса, забыв все существующие слова. Брюнет тоже молчал и без стеснения разглядывал обстановку, словно его присутствие тут – нечто само собой разумеющееся. Непонятно, сколько бы длилось эта неловкая тишина, если бы не Пашка.

– Очень приятно, Павел, – он улыбнулся и по очереди пожал руку пришедшим мужчинам и кивнул Миле.

– Наслышана о вас, Павел, – Василькова хитро сощурилась, и настал мой черед пинать ее под столом. – А что такого? – она бросила на меня невозмутимый взгляд. – От Ланы только и слышно последнее время: «Мы с Пашкой то, мы с Пашкой се».

– Да, мы с Ланой умеем развлекаться, – то ли шутя, то ли серьезно заметил Антонов и почему-то посмотрел на Феликса.

А вот Милка разве что в ладоши не захлопала. Она, конечно, знала, что мы с Пашей действительно часто стали зависать вместе, но в ее картине мира – мы влюбленная парочка. А на деле… Ну, а на деле мы просто развлекаемся, Антонов прав.

Когда все сделали заказ и официант принес блюда, атмосфера наконец немного разрядилась. В основном говорили Милка и Паша. Кемаль молчал, потому что физически не мог ничего толкового связать, и даже наличие приглашенного якобы помочь друга не спасало ситуацию. Феликс медленно потягивал черный кофе и наблюдал за всеми, и меня время от времени обжигал его внимательный взгляд, но я изо всех сил старалась делать вид, что меня

нисколько не смущает его присутствие. Пашка, который, похоже, заметил смену моего настроения, пару раз поинтересовался шепотом, все ли в порядке, но я лишь отмахнулась, пообещав позже все рассказать, когда мы окажемся наедине. Сказав это, тут же поймала пристальный взгляд Феликса. Брюнет как-то странно на меня посмотрел, но, как и до этого, ничего не сказал. Это меня почему-то разозлило, и я, сама от себя не ожидая, громко обратилась к нему на английском:

– А вы, Феликс, чем занимаетесь и как оказались здесь?

Он пару секунд сверлил меня насмешливым взглядом и наконец ответил. На чистейшем русском, без акцента:

– Мы с Кемалем играем в одной группе. Скоро – в следующую пятницу – у нас концерт в одном из местных клубов. Могу достать вам пару лишних билетов.

Мила тут же оживилась.

– Обязательно! Я-то, естественно, пойду, – она снова бросила кокетливый взгляд на равнодушно потягивающего пиво Кемаля. – Но и вы с Павлом тоже обязательно должны ко мне присоединиться!

– Мы постараемся, – голос Антонова сочился непонятным сарказмом, и я вопросительно посмотрела на него, но парень лишь аккуратно сжал мою руку. Что он задумал? – Нам нужно проверить наши рабочие графики, – выдал он откровенную чушь, но Милка деловито закивала, не уловив насмешливый тон Пашки.

Я отодвинула в сторону чашку с чаем и, извинившись, пошла в дамскую комнату. Мила, как я и ожидала, тут же последовала за мной. Впрочем, на это я и рассчитывала.

– Василькова, может, ты мне наконец объяснишь, что все это значит? – обрушилась я на нее, как только мы вошли в уборную.

– Ты про что? – подруга непонятливо округлила глаза. – Аа, про Феликса, что ли? Так я сама только сегодня его впервые увидела. Это же тот, чернявый, с корабля, да?

Я подозрительно посмотрела на нее. Она серьезно или шутит?

– Ну что ты на меня смотришь, как на врага народа? Я даже не была уверена, что твой курортный красавчик и Феликс – один и тот же человек. Думала, показалось. Но он так смотрел на тебя… – Василькова обожгла меня многозначительным взглядом, – я сразу поняла – это он!

– Он, оказывается, русский знает, – я, наконец, повернулась к зеркалу, чтобы поправить макияж, и ужаснулась. Да уж, еще бы Феликс не будет на меня смотреть! Я выгляжу так, будто действительно увидела призрак: еще более бледные, чем обычно, щеки, растрепанные волосы, глаза лихорадочно блестят. Я пригладила локоны и нанесла на скулы немного румян, чтобы окончательно не превратиться в мумию.

– Я тоже удивилась, когда впервые услышала. Не знаю подробностей, но вроде бы у него кто-то из родителей родом отсюда. Поэтому он уверенно говорит как на турецком, так и на русском.

– Кемаль зато какой-то чересчур тихий, – не преминула я все же отметить. – Я, конечно, понимаю – сложно поддерживать разговор, когда не знаешь языка собеседников, но все же. Как будто ему все равно. И как вы вообще общаетесь, раз у вас уже отношения?

– А у нас другой способ, хм, общения, – Милка хихикнула и хитро мне подмигнула, – вы с Пашей, думаю, тоже хорошо его освоили.

Я закатила глаза.

– Ненормальная. Мы с Пашкой… – я хотела было объяснить подруге, что между мной и Антоновым ничего не было, кроме дружеских встреч, но в этот момент телефон в моей руке завибрировал. Я посмотрела на экран – вспомни черта, как говорится.

– Ни минуты не может без тебя, – тут же умилилась Василькова.

Я вздохнула и потянула зеленый кружок в сторону.

– Брусникина, мне срочно нужно уехать! – Антонов говорил почему-то шепотом.

Я запаниковала.

– Что случилось?

– Да у Каринки какие-то проблемы, хотя, подозреваю, опять какая-то преувеличенная до ужаса история, но не проверить не могу.

Я нахмурилась, пытаясь оценить ситуацию. Естественно, настаивать на том, чтобы Пашка остался, я не могла. Но и сидеть дальше одной в компании Кемаля и Феликса, хоть и с Милкой, не хотелось. Почему-то с Пашей мне было спокойнее.

– Подожди меня, я поеду с тобой, – проговорила я в трубку и сбросила звонок. Пусть подбросит меня до ближайшей станции метро. Хотелось развеяться в вечерней людской толпе и с наушниками в ушах.

– Уже уезжаете? – засуетилась Милка. – Но мы даже часа вместе не просидели.

– Надо было вовремя приходить! – огрызнулась я, но тут же смягчилась. – Прости, но правда не могу. Там у Пашки дома что-то случилось, надо ехать.

Василькова грустно вздохнула.

– Понимаю, не бросать же парня в такой ситуации, – она деловито закивала, а я про себя обрадовалась, что не успела пролить свет на истинный статус наших с Антоновым отношений – теперь можно удачно ими прикрыться.

Мы вернулись в зал. Пашка уже собирался и незаметно для всех мне подмигнул.

– Ну что, поехали? Такси уже ждет.

Он снова пожал руки парням и заботливо встал сзади с моим плащом, помогая мне его надеть. Милка восхищенно наблюдала за его действиями.

– Вы, Павел, истинный джентльмен, – решила она сделать Антонову комплимент, и я чуть не прыснула. О да, Пашка как никто другой соответствует этому определению: так и вижу, как он по-джентльменски лежит на диване в своей студии, закинув ноги на журнальный столик, пялится в экран телевизора и хрустит чипсами из лежащей на животе миски.

– Предлагаю перейти на «ты», – он одарил Василькову своей очаровательной улыбкой, – и зовите меня Пашей. Павел – как-то чересчур официально. Даже для такого джентльмена, как я.

Мы направились к выходу, и, перед тем как толкнуть стеклянную дверь, я уловила в ее отражении знакомый взгляд. Даже так Феликс умудрялся смотреть не в глаза, а в душу. Он едва заметно улыбнулся и кивнул, а потом Кемаль его окликнул, и ниточка оборвалась. Я мотнула головой, смахивая наваждение, и вышла на улицу.

6.

Капли дождя гулко барабанили по окну. Осень в этом году выдалась промозглая и слякотная. Я с наслаждением допила остатки капучино из картонного стакана и наконец удосужилась посмотреть на Пашку. Антонов не сводил с меня глаз и молчал, но его взгляд был красноречив донельзя.

– Мы можем и дальше делать вид, что ничего не произошло, но вот только тебя после того вечера будто подменили. Лана, версия 2.0.

– Ты насмотрелся фильмов про инопланетян.

– А ты – слезоточивых драм. Нет, подожди, – он округлил глаза в притворном ужасе, – неужели подсела на турецкие сериалы? Ты узнала, что мужчина, в которого ты уже несколько лет тайно влюблена, приходится тебе родным братом, потому что у вас общий отец, который оставил его в детстве и скрыл от всех этот факт? Выражение лица идеально подходит для такой ситуации. Ну, – он сделал вид, что прикидывает варианты в уме, – или примеченное ранее на распродаже платье купили и твоего размера больше не осталось.

– Ты не врал, когда говорил про чушь, которую не все понимают.

На самом деле мне было смешно. Пашкин юмор был, конечно, довольно специфичным, но в любое другое время я бы не удержалась и захохотала от всего абсурда, которой он только что наплел. Но сейчас говорить не хотелось. Точнее, говорить хотелось, но не об этом.

Почему нельзя как раньше – посмеяться над очередной офисной шуткой, обсудить кино или сериал, поспорить о том, кто круче: Шакира или Бейонсе, в конце концов? Я, кстати, за первую.

Нет же – Паше приспичило обсудить наш не совсем удачный ужин на минувших выходных. Прошло уже два дня, а я до сих пор чувствую вопросительные взгляды Антонова и даже, кажется, какой-то немой упрек.

– Все дело в этом Феликсе, не так ли? – спросил Пашка, и я почувствовала, как мои щеки стремительно покрываются румянцем.

Терпеть не могу это качество в себе. Обманщик из меня никакой: чуть что – предательски краснею. И не только в тех случаях, когда хочу соврать. Смутить меня – плевое дело. Милка всегда смеялась надо мной из-за этого. «Тебя, Брусникина, даже тонна пудры не спасет», – издевалась подруга, даже не подразумевая, как сильно я от этого страдаю.

– Допустим, – все же ответила я. А, была не была. Во мне вдруг проснулось дикое желание выговориться. Милка выпадала – а ну как своему Кемалю ненаглядному разболтает. Нет, я, конечно, Василькову люблю и доверяю ей, но у нее, когда влюбляется, крышу напрочь сносит. А Пашке можно, он свой, что ли. Родным стал за это короткое время, хоть и странно все между нами складывается, будто постоянно присутствует какая-то легкая недоговоренность. Что, однако, нисколько не мешает нам общаться и проводить время вместе.

– Вы знакомы? – Антонов вопросительно изогнул правую бровь.

– Не совсем.

Я рассказала Пашке про наше «недознакомство» с Феликсом в Турции на корабле. Антонов слушал внимательно, не перебивая, только хмыкал время от времени.

– Так и скажи – он тебя очаровал, – с каким-то непонятным выражением произнес он, когда я закончила рассказ.

– Разве можно запасть на человека за одну короткую встречу?

– Ну, не зря же столько разговоров о любви с первого взгляда, – он усмехнулся, а я лишь отмахнулась. Ну какая любовь?

– Короче, не знаю, что делать. Да и вообще, нужно ли что-то делать? Мы, возможно, с этим Феликсом никогда больше не увидимся.

– Только если ты проигнорируешь его приглашение сходить на концерт, – заметил Пашка.

– Концерт еще этот, – продолжила ворчать я. – Что вообще за музыку они играют? Наверняка проходняк какой-нибудь.

Я, конечно, лукавила и так не думала. Сразу вспомнилось, как Феликс давал мне свои наушники на корабле. И песня та сразу в голове заиграла. Красивая, очень пронзительная. Вряд ли человек, который такое слушает, будет играть посредственную музыку.

Наверное, на моем лице было что-то написано, потому что Паша странно на меня посмотрел.

– А что ты теряешь? Давай сходим? Мне вот, например, даже интересно. Да и подруга твоя вроде как уже понадеялась, что мы ей компанию составим. Не оставлять же ее одну.

Кстати, да – Милка же просила. Наверное, ей будет не по себе в переполненном дымном зале среди кучи незнакомых бородатых мужиков, которые будут пьяно горланить в унисон с группой на сцене. Не знаю, почему в моем представлении все должно было происходить именно так и именно с наличием такого контингента, но я решила, что Василькову бросать – подлое дело.

– Только ради Милки, – строго сказала я Пашке, но не могла не заметить насмешливого огонька в его глазах. Ну и пусть.

Я выкинула стакан от кофе в урну и тронула мышку. Экран компьютера зажегся, напоминая о незаконченной статье. Пашка вертел свой наверняка уже остывший американо в руках и не спешил вставать с моего стола, у которого уютно пристроился, оперев на него свою пятую точку. Раньше я часто бесилась из-за этого, а теперь привыкла.

– Он тебе нравится, – неожиданно произнес он.

Пальцы замерли над клавиатурой. Это был даже не вопрос. Пашка говорил с уверенностью, будто сам себя убеждал. Я покосилась на него, не зная, что сказать.

– Ты так на него смотрела. Впрочем, как и он на тебя. Едва знакомые люди так друг на друга не смотрят.

– Но мы и правда почти незнакомы! – горячо возразила я. Непонятно кому: Пашке или самой себе?

– Ну мне-то ты можешь признаться, Брусникина, – доверительно кивнул Антонов. Правда, глаза печально блеснули.

Говорят, глаза – зеркало души. Это стопроцентно Пашкин случай. В его огромных серо-зеленых глазах всегда уязвимо отражалось все его нутро. Вот и в этот раз – там читалась грусть, но какая-то светлая, что ли. Я знала, что нравилась ему. Возможно, не настолько, чтобы совершать ради меня подвиги и бороться, но симпатия определенно была. Антонов мне тоже очень, очень нравился. Как старший брат, которого у меня никогда не было. Мне с ним было спокойно и хорошо. И, как оказалось, делиться с ним даже такими неоднозначными секретами было… правильно. О Феликсе я даже Милке не рассказывала. Да что там – даже себе боялась признаться, что он настолько запал мне в душу. А вот Пашке, как оказалось, все очевидно.

Мне совсем не хотелось, чтобы наши отношения испортились, поэтому я робко посмотрела на него и задала прямой вопрос:

– И что теперь?

– А что теперь? – Антонов резко подскочил со стола и подмигнул, тряхнув головой. – Теперь мне надо срочно пробить твоего Феликса, прежде чем отдавать такое сокровище в его лапы. Мало ли, еще маньяком каким-нибудь окажется.

– Дурак ты, Пашка, – совершенно беззлобно отозвалась я и, изо всех сил сдерживая улыбку, наконец принялась допечатывать злосчастную статью. Дедлайны горели!

7.

– Можно мне «Космополитен»?

Милка была пьяна. Пока еще не от коктейля, нет – от атмосферы. От романтики, как ни странно, этого места. От любви. Мне это не нравилось, но я пока молчала.

– А мне… – я тоже повернулась к Пашке, но он меня перебил.

– Ни слова больше! – и его мощная фигура скрылась в толпе двигающихся тел.

Клуб был небольшим, но место мне на удивление нравилось. Оно мало напоминало кишащее алкогольными парами и бьющей по барабанным перепонкам музыкой заведение. И бородатых мужиков тут было совсем не так много. Не поймите меня превратно, ничего против бородачей не имею – вон, с Пашкой дружу, а его подбородок наверняка уже забыл, как выглядит бритва. Но типичных грозных любителей металла и хардкора, которые обвешаны цепями и любят размахивать стаканами с пивом и перекрикивать исполнителей на сцене, тут вроде бы не наблюдалось.

Это было хоть и подвальное помещение, но теплые мерцающие огоньки, ненавязчивая пока еще фоновая музыка, приветливые официанты и просторное пространство перед сценой, которое сулило свободу действий для всех желающих потанцевать или просто поближе наблюдать за исполнителями, делали место уютным и приятным.

Я заметила возвращающегося к нам Пашку, который виртуозно гарцевал среди людей, неся в руках целых три стакана.

– Дамы, извольте, – он отдал Милке ее «Космополитен», а затем протянул мне бокал с чем-то бледно-розовым, больше похожим на милкшейк или смузи, чем на жидкость.

– Что это?

– Коктейль. Специально для тебя. Называется «Спасение печени».

Я чуть не захлебнулась глотком, который уже сделала.

– Как-как?

– «Спасение печени». По названию, думаю, понятно, что безалкогольный. Там только яблоки, клубника, банан, лед и измельченная мята.

Спасибо, конечно, Антонову за заботу. Но «Спасение печени» больше звучит как средство первой необходимости утром, после затяжного запоя. Наравне с рассолом.

– Вкусно, – пришлось признать мне, когда я осушила стакан наполовину буквально сразу.

– Ну еще бы, я черт-те что не принесу, – с самодовольным видом отозвался Пашка, а Милка шепнула мне в ухо мечтательное:

– Он у тебя просто душка!

Я до сих пор не призналась подруге, что между мной и Антоновым ничего нет. Это, наверное, эгоистично с моей стороны, но я будто не хотела делиться особыми отношениями с Пашкой. У меня было ощущение, что, если я поделюсь с Васильковой, вся магия дружбы с Антоновым рухнет. Поэтому я только сдержанно кивнула и снова припала губами к соломинке.

Пашке скоро пришлось бежать за очередной порцией «Спасения». Милка же, воспользовавшись моментом, попросила в этот раз «Дайкири». И это притом что сам Пашка свое пиво еще даже наполовину не прикончил.

Вскоре на сцене появились Кемаль и Феликс. Я опустила глаза, пытаясь скрыть волнение, и стиснула трубочку зубами так сильно, что она чуть не сломалась. Парни настраивали свои инструменты. У Феликса в руках была электрогитара. Я все же закатила глаза – ну конечно, на чем еще будет играть этот мачо?

Выглядел он на все сто: просто и в то же время очень эффектно. Черные джинсы, белая футболка, которая идеально оттеняла его загорелую кожу, и белые «вансы». На левом запястье, как напоминание из прошлого, – черный платок с белыми геометрическими узорами. Инте-

ресно, это у него что-то типа талисмана, как у хоккеистов? Я настолько отвлеклась на мысли о значении его необычного аксессуара, что, когда подняла глаза и встретилась взглядом с Феликсом, вздрогнула от неожиданности. Он улыбнулся и подмигнул мне. Мне! Я наверняка снова покраснела, но, к счастью, свет в зале стал более приглушенным.

Фоновая музыка остановилась. На сцену из-за кулис вышла высокая девушка, что-то произнесла, повернувшись к Феликсу, и наконец обернулась к зрителям. Я тотчас же узнала ее. Это была та самая блондинка, которая в тот раз, на корабле, прервала нашу беседу с Феликсом. В груди кольнуло, и я заставила себя не обращать внимание на то, какой «свойский» взгляд она бросила на парня.

– Дамы и господа! – она обратилась к толпе на русском – еще одно открытие для меня. Я думала, она тоже не местная. – Прошу приветствовать на сцене группу «New Sound»!

«New Sound»? Серьезно? «Новое звучание»? Так себе название.

В зале послышались пока что жидкие аплодисменты. Публика была еще настороже, ребята тут выступали впервые.

По коже пробежали мелкие мурашки, когда образовавшуюся тишину прорезал до боли знакомый мотив со звуками клавишных. «Dancing in the Moonlight». Это был кавер на красивейший хит группы King Harvest. Я просто обожаю эту песню! Сердце замерло в предвкушении услышать, как будет петь Феликс. Судя по занятому им месту посередине сцены у микрофонной стойки и впереди всех остальных участников коллектива, фронтменом был именно он. И, боги, мои ожидания были вознаграждены сполна. Природа наградила Феликса не только эффектной внешностью, но и восхитительным голосом. Глубоким, бархатным, чутким. Ни одной фальшивой нотки, ни одного лишнего мелизма. На сцене он смотрелся так же гармонично, как и на палубе, выныривая из морских глубин.

– Пока что хорош по всем фронтам, – послышался справа голос Пашки.

Он легонько пританцовывал в такт музыке, разбалтывая остатки пива на дне бокала.

– Да, талант очевиден, – пришлось признать мне.

Даже Милка не могла сдержать восторга и воспевала оды голосу Феликса. И это при живом-то парне. Сам Кемаль играл на ударных. Вполне сносно, стоит признать.

Следующей песней в исполнении ребят была «I Went to Hell Last Night»[7]. Тогда я стала догадываться, почему они выбрали такое название для своей группы. В каждый кавер они вкладывали часть души, что позволяло ему звучать по-новому, по-особенному. Хотя, мне кажется, всегда есть смысл пробовать создавать что-то свое.

Я снова залюбовалась Феликсом: прикрытые глаза, взъерошенные волосы, влажные от пота, на виске – выступившая от напряжения жилка. Он держался двумя руками за микрофон и едва заметно улыбался. Мне пока что нравился их репертуар. Эта песня была про добро и надежду.

«There's a little bit of God in everything»[8].

Простите мне эту минуту банальных и пошлых высказываний, но его голос сводил с ума. Сколько же в нем было силы и голых эмоций. Я почувствовала, как по спине ползут мурашки, и в тот же момент встретилась взглядом с Феликсом. Мне стоило отвести глаза, но что-то удерживало меня, и я не могла пошевелиться. Будто между нами тонкой нитью пролегла связь, и разорвать ее было равно убить бушевавшее внутри чувство эйфории. А мне этого совсем не хотелось.

Феликс не отрывал от меня взгляда до конца песни. А я так и стояла замерев. Люди рядом возбужденно аплодировали, свистели и кричали «Браво!» и «Еще!», а я словно находилась в вакууме. Странное ощущение.

– Тебе принести что-нибудь? – голос Пашки вырвал меня из оцепенения.

Я растерянно посмотрела на него, но быстро пришла в себя. Ужасно хотелось пить, будто это не Феликс, а я надрывалась сейчас на сцене и у меня пересохло в горле.

– Да, принесешь мне мохито, пожалуйста?

Антонов поклонился в шутливом реверансе и ретировался выполнять «приказ». Здорово, что мне не нужно было делать никаких уточнений для него. Милка бы из вредности принесла мне алкогольный коктейль, а Пашке можно было доверять на все сто.

«New Sound» сделали перерыв, и в клубе вновь заиграла фоновая музыка.

– Поверить не могу – я девушка барабанщика! – Милка обмахивалась рукой и оглядывалась по сторонам.

– Поздравляю, – буркнула я. Кемаль мне все равно не нравился, хоть я и не могла объяснить точную причину. То ли дело его товарищ по команде.

Феликс и Кемаль подошли к нам, словно услышав мои мысли. Я снова покраснела, будто они действительно знали, о чем я думаю. Они о чем-то переговаривались на турецком, причем белобрысый, судя по интонации, был чем-то недоволен. Феликс отвечал довольно сдержанно, но было заметно, что он напряжен и это стоит ему больших усилий. Странно было видеть его таким.

– Вы еще будете выступать? – Милка ласково схватила Кемаля за локоть, но он довольно грубо отвел руку. Подруга смущенно улыбнулась. Стоит ли в очередной раз говорить, что мне не понравилась эта картина?

– Через двадцать минут сыграем еще пару песен, – Феликс отвел тяжелый взгляд от приятеля и тепло посмотрел на Василькову. Я была благодарна ему за этот жест. – Что скажете?

Он вопросительно посмотрел на меня, и мне показалось, что я почувствовала волнение в его голосе.

– Это было… довольно неплохо, – наконец произнесла я.

Что ж, молодец, Лана. Для человека с лингвистическим образованием и опытом работы в издательстве «неплохо» – лучшее слово, которое можно было использовать в данной ситуации.

Правый уголок рта Феликса знакомо изогнулся в кривой усмешке, и я уже хотела дополнить свой ответ куда более яркими эпитетами, но тут появился Пашка.

– Прошу, – он протянул мне запотевший стакан, и я быстро сделала спасительный глоток. Божественно.

– Парни, это было круто! – произнес Антонов, а потом вполне чистосердечно обратился к Феликсу. – У тебя талант, чувак.

– Спасибо, – брюнет искренне улыбнулся Пашке и пожал протянутую ладонь. Слава богу, дождался заслуженной похвалы хотя бы сейчас. Мне снова стало стыдно.

Однако, когда Феликс снова посмотрел на меня, я не прочла в его глазах ни обиды, ни упрека – скорее, любопытство и интерес.

Кемаль наконец соизволил заговорить с крутящейся вокруг Милкой, а Пашка отошел, потому что ему срочно позвонили. Мы с Феликсом неожиданно остались одни, если можно так сказать, учитывая толпу вокруг.

– Я надеюсь, что после нашего следующего выступления ты будешь более впечатлена.

– Посмотрим, – невозмутимо ответила я, делая очередной медленный глоток из стакана. Мохито уже не был таким обжигающе холодным, и первую жажду я уже утолила, но от волнения не знала, куда себя деть, вот и цедила жидкость, изо всех сил стараясь не показывать, что внутри у меня все переворачивается.

– Тебя что-то тревожит? – неожиданно спросил Феликс.

– Нет. С чего ты взял?

Он несколько мгновений смотрел на меня, словно пытался прочесть ответ на какой-то свой вопрос у меня в глазах, и наконец ответил:

– Просто мне кажется, ты напряжена.

Ха-ха, очень смешно. Благотворно ли это для моей и так дышащей на ладан последней нервной клетки? Отнюдь нет. Что в голове у этого парня? Ему доставляет удовольствие издеваться надо мной?

Я так разозлилась, что захотела сказать в ответ что-нибудь резкое, чтобы поставить его на место. Мысли судорожно проносились в голове, но подходящих слов, к несчастью для меня, не находилось. Ну да, я ведь тот еще мастак в беседах с противоположным полом. Краснеть – оно, пожалуй, больше по моей части.

Пока я раздумывала над хитроумным ответом, который моментально положил бы моего собеседника на лопатки, к нам вдруг подошла та блондинка, которая объявляла выступление группы. Она сказала что-то на турецком, обращаясь к Феликсу, на меня же лишь мельком взглянула, проигнорировав мое присутствие. Слава мохито, сегодня он мой спаситель. Я еще раз глотнула из стакана.

Феликс о чем-то негромко переговаривался с блондинкой, но, хоть я и не могла разобрать отдельных слов, было ясно, что они спорили. Наконец он позвал Кемаля, и они втроем пошли в сторону сцены. Я осталась стоять одна. Василькова тоже куда-то исчезла. Замечательно. Даже коктейль закончился, и я теперь беспомощно озиралась по сторонам. Ненавижу оставаться одна в таких местах, сразу начинаю чувствовать себя некомфортно. Такова незавидная судьба интроверта.

Спину будто обожгло, и я повернулась к сцене. Феликс настраивал гитару и снова смотрел на меня. В этот раз он улыбался и что-то говорил одними губами. Я развела руками в стороны, показывая, что не понимаю его. Он кивнул и начал быстро что-то печатать в своем телефоне. Айфон в моем кармане пиликнул. Я открыла его и увидела сообщение от неизвестного номера:

«Следующая песня для тебя».

Сердце взволнованно забилось, и я снова подняла взгляд на Феликса, но он теперь говорил с клавишником и больше не смотрел в мою сторону. Откуда у него мой номер? Неужели Милка дала? Когда только успела?

Василькова как раз объявилась, и я уже хотела вывалить ей все претензии, но заметила, что глаза у нее красные и заплаканные.

– Что случилось? – спросила я, тут же бросив подозрительный взгляд на Кемаля. Тот уже расположился у ударной установки и с деловым видом постукивал палочками друг о друга.

– Мама звонила, – Милка суетливо копошилась в миниатюрной сумочке. – Черт знает что! – она нервно встряхнула содержимое и, видимо, не найдя нужного, полезла в карман юбки. – Куда я засунула этот проклятый номерок!

– Что случилось? – я осторожно схватила ее за плечи, заставив посмотреть на меня.

Она судорожно вздохнула, подавляя очередной всхлип.

– Папа… – она сглотнула. – Папе стало плохо. Увезли на скорой. Мне нужно срочно ехать.

– Я с тобой! – тут же встрепенулась я.

Какой ужас! Неужели с сердцем неполадки? Андрей Вениаминович, папа Милы, всегда был энергичным и активным человеком, занимался спортом, не питался дрянью. Что же с ним случилось? Мне стало очень тревожно – и за него, и за Василькову.

Милка всегда была «папиной дочкой», очень любила отца и всегда с гордостью рассказывала, как они вместе ездили кататься на лыжах, ходили на рыбалку – сейчас уже редко, правда. Мила перебралась в столицу, а ее родители жили в том же районе, что и моя мама. Василькова ненавидела возвращаться туда, и только желание навестить родителей, особенно отца, удерживало ее от того, чтобы раз и навсегда забыть дорогу в родные пенаты. Не знаю, почему она вдруг резко невзлюбила это место. Раньше никогда не замечала за ней такой лютой ненависти. Да, конечно, мы все мечтали вырваться в большой город, хорошо устроиться, но и место, где

прошла наша юность, любили. По крайней мере, о себе я с уверенностью могла такое сказать. А вот Милка…

Причем такие резкие перемены случились неожиданно. Василькова ездила домой на зимние каникулы на первом курсе, а как вернулась – так ее будто подменили. Даже слышать не хотела о том, чтобы в ближайшее время поехать туда снова. Я даже испугалась – а вдруг с ней что-то ужасное случилось, пока она там была, а я оставалась в городе. Но Милка заверила, что просто резко почувствовала разницу между столицей и «деревенским антуражем» и ей вдруг дико опостылели родные просторы. «Все такое убитое, убогое, угнетающее, Ланка», – сказала она тогда. «Прям все на «у»?», – пошутила я, но она лишь отмахнулась. С тех пор она ездила в нашу «деревню», как она пренебрежительно стала ее называть, очень редко, когда совсем невмоготу становилось от тоски по родителям.

Вернувшийся Пашка, увидев, как мы обе мечемся, тут же сказал, что поедет с нами.

– Заказываю такси, – не желая слушать возражений, сообщил он и уткнулся в телефон.

– Ланка, нельзя нам всем уезжать, – вдруг спохватилась Мила. – Ребята обидятся, – она кивнула в сторону сцены.

– Ничего они не обидятся! – возмутилась я. – Ты же не из прихоти решила слинять. Дело серьезное.

Я тут же прикусила язык – не хватало, чтобы Василькова еще больше разволновалась. Но она даже не обратила внимания на мои слова, все так же встревоженно глядя на Кемаля.

– Брусникина, может, кто-то из вас останется? – она с мольбой посмотрела на меня. – Кемаль телефон отключает на время выступления, а потом мне не до звонков будет, сама понимаешь. Нужно будет ему все объяснить.

Очень сильно сомневаюсь, что ее распрекрасный Кемаль вообще обратит внимание на наш уход, но еще больше расстраивать подругу не хотелось.

– Лан, давай я поеду, отвезу Милу, а потом вернусь и заберу тебя, – вмешался Пашка.

Ну что за золотой человек.

– Не надо за мной приезжать, сама доберусь до дома. Такси вроде пока еще не отменили, – я подмигнула Милке и успокаивающе потрепала ее по плечу, – не переживай, все будет хорошо. Передам я все твоему Кемалю. Ты только держи меня в курсе, ладно?

Василькова закивала и поцеловала меня в щеку.

– Позаботься о ней, – шепнула я на ухо Пашке, и он показал соединенные большой и указательный пальцы, мол, не волнуйся, все будет хорошо.

Они скрылись в толпе. Мне как-то сразу стало неуютно, но в этот раз не оттого, что я осталась одна, а потому что чувствовала себя виноватой. Может, надо было все-таки поехать с ними и не оставлять Милку одну? Что я за подруга такая. Или хотя бы поменяться с Пашкой – что мы, ей богу, такси без него не вызовем? Хотя Антонов без нас тут вряд ли бы остался. Василькова нездорово переживала из-за этого придурка Кемаля, хотя он и слезинки ее не стоил. Я решила, что дождусь конца их выступления, выполню свою миссию и тоже поеду в больницу. Милка мне адрес смс-кой скинет.

Почувствовав небольшое облегчение, я пошла в сторону бара. Почему-то на меня накатила дикая усталость, и мне захотелось присесть. Я заказала чашку кофе – силы мне еще понадобятся – и уселась на высокий барный стул, повернувшись к сцене. В зале снова стало темно, и гул толпы стих. Звук акустической гитары заполнил пространство. По телу пробежала уже знакомая дрожь – в этот раз оттого, что я узнала песню. Люди вокруг исчезли, а темнота сменилась ярким светом дня. Я была не в тесном клубе, а на палубе корабля, покачивающегося на волнах бескрайнего синего моря. Рядом сидел красивый загорелый мужчина и с улыбкой смотрел на меня, а в ушах играла красивая композиция на незнакомом языке.

Феликс вряд ли видел меня сейчас, когда я сидела далеко от сцены – у бара, где свет был еще более приглушенным. Но я была уверена на миллион процентов, что эту песню он

поет для меня. В душе буйным цветом разрастался комок самых разных чувств: от восторга и непонятной грусти до умиротворения и благодарности. Когда прозвучал последний аккорд песни, я выдохнула и положила телефон на колени – до этого я не замечала, как сильно сжимала его в руке.

– Желаете еще чего-нибудь? – бармен приветливо улыбнулся.

– Нет, спасибо.

Я отодвинула пустую чашку из-под кофе и на негнущихся ногах направилась ближе к сцене. Мне вдруг кровь из носу стало необходимо находиться рядом с группой, чтобы «впитать в себя» остальные песни.

С группой или Феликсом? Я даже не стала отмахиваться от этой внезапной мысли. Мне нравился Феликс, лгать самой себе было глупо. И плевать, что совсем недавно я рассталась с Антоном и что я почти ничего не знаю об объекте своей новой симпатии. От Феликса веяло загадкой, как в кино и книгах, в которых лирические герои представали перед влюбленными в них женщинами опасными незнакомцами. От них хотелось спрятаться, но они покоряли неискушенные сердца и замутняли рассудки. С Феликсом все было сложно: хотелось и бежать от него, и в то же время быть рядом. Хотелось остаться с ним наконец наедине и говорить, говорить. Обо всем. Это желание не отпускало, казалось, с нашей короткой беседы на палубе корабля. Только раньше я сразу отреклась от любого намека на то, что этот человек успел так глубоко забраться мне в голову. Это же смешно – мы даже не знали имен друг друга!

Я говорила себе: Лана, успокойся и живи своей прекрасной налаженной жизнью, а этот эпизод пусть останется приятным воспоминанием, не более. И ведь у меня получалось! До тех пор, пока моя лучшая подруга, сама того не ведая, не вернула меня в самое начало.

Когда выступление ребят закончилось и они начали собирать аппаратуру, я осмелилась подняться на сцену и подойти к Кемалю. Боковым зрением я заметила, как Феликс проводил меня взглядом, наматывая какой-то провод.

– Миле пришлось уйти, семейные неприятности, – громко произнесла я, глядя на ударника.

Парень покачал головой, показывая, что не понимает меня. Тихо чертыхнувшись, я разблокировала телефон, чтобы открыть переводчик, но в этот момент совсем рядом со мной раздался низкий голос Феликса – он сказал что-то Кемалю на турецком, полагаю, что перевел мою фразу. Белобрысый коротко кивнул и ничего не ответил, продолжив как ни в чем не бывало собирать ударную установку. Я еще пару секунд поколебалась, стоя перед ним и не решаясь просто развернуться и уйти. Что-то меня удерживало. Точнее, кто-то. Феликс все еще стоял за моей спиной, и я почувствовала, как все тело вмиг отяжелело. Потребовались все силы, чтобы обернуться и сохранить на лице невозмутимое выражение.

– Спасибо, – все же удосужилась я поблагодарить своего «переводчика».

– Обращайся, – Феликс подмигнул мне, и его лицо озарила хитрая улыбка. – Надеюсь, вторая часть концерта прошла так же неплохо, как и первая.

Все мои старания рухнули, как карточный домик, и я почувствовала, как мгновенный румянец окрашивает щеки. Мне до сих пор было стыдно за чересчур скупую оценку выступления ребят.

– На самом деле, мне очень понравилось, – решила признаться я. – И та песня…

Феликс посмотрел на меня так, что я сразу поняла – мне не нужно объяснять, какая именно песня. Насмешливая улыбка тут же испарилась с его лица, и взгляд стал серьезным. Я зависла на несколько мгновений. Я уже говорила, что у этого парня магнетические глаза?

– Песня, которую ты пел сразу после перерыва, – все же пояснила я слегка хриплым голосом, – это было прекрасно.

Сначала мне показалось, что все чересчур слащаво – эти банальные эпитеты, слова с придыханием. Но Феликс так искренне улыбнулся, что все мысли мгновенно улетучились из моей головы.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он. – Я очень хотел, чтобы тебе понравилось.

Пора было уходить. Милкину просьбу я выполнила, концерт окончен, больше меня тут ничего не держало, но ноги будто приросли к полу.

– А где твой парень? – прервал наше обоюдное молчание Феликс, и я на секунду растерялась. Парень? – Павел, – заметив мое недоумение, пояснил брюнет.

– Он поехал провожать Милу.

– Понятно. Может, тогда с нами? Хотим отпраздновать первое выступление в городе в ресторане.

Лана, которая десять минут назад призналась себе, что ей безумно нравится стоявший перед ней парень, тут же мысленно станцевала танец победы. Но другая Лана, мнительная и вечно сомневающаяся в своих решениях, застыла под грузом противоречий. Первая Лана уже почти уделала вторую, и из моего рта готов был сорваться положительный ответ, но меня опередили. Блондинка, у которой, видимо, вошло в привычку появляться каждый раз, когда между мной и Феликсом зарождался более-менее нормальный разговор, появилась будто из-под земли.

– Феликс, ты готов? – спросила она, глядя при этом на меня.

Ее рука по-свойски схватила брюнета за локоть, и девушка чуть ли не повисла на нем.

– Да, ждем ребят и можно ехать, – парень снова посмотрел на меня. – Лана, ну так что, едем?

Победившая-было Лана тут же сникла и, пробормотав что-то невнятное, попятилась назад.

Я бросила еще один взгляд на место, где женские пальцы с длинным черным маникюром гладили мускулистую руку, и, натянув на лицо самую непринужденную улыбку из скупого арсенала своих улыбок, вежливо мотнула головой.

– Спасибо за приглашение, но, наверное, в другой раз. Я что-то устала, а завтра рано вставать.

– В субботу? – с сомнением в голосе заметил Феликс.

– Надо поехать к Миле, проведать ее отца. Его положили в больницу.

На лице Феликса промелькнула тень сожаления, и он понимающе кивнул.

– Конечно, твоей подруге сейчас необходима поддержка. Передавай от меня пожелания скорейшего выздоровления.

– Спасибо.

Блондинка все это время сверлила меня тяжелым взглядом. Кажется, поговорка «нравится – бери» не совсем уместна в моем случае. Кажется, между этими двумя далеко не дружеские отношения. Кажется, я сильно вляпалась, и нужно бежать, пока не поздно.

Я помахала всем на прощание и поспешила в холл, чтобы взять свой плащ из гардеробной. Чуть поодаль от стойки с выдачей верхней одежды, рядом с открытой настежь дверью, стояли двое мужчин. У одного, высокого и сутулого, с крупным носом, впалыми щеками и мутными глазами, в правой руке была сигарета. Он медленно затягивался и пускал дымные кольца в холодный уличный воздух. Второй – полная его противоположность: низкий, плотный, как бочонок, с короткими ручками и ножками по бокам – о чем-то нервно и громко жаловался высокому, ероша пальцами жидкие русые волосы и все время оглядываясь по сторонам, словно боялся, что кто-то его услышит. Увидев меня, «бочонок» резко заткнулся и кивнул в мою сторону. Его товарищ обернулся, смерил меня заинтересованным взглядом и наградил такой плотоядной улыбкой, что у меня появилось ощущение, будто меня обмазали чем-то липким и грязным. Еле сдержавшись, чтобы не поморщиться, я сделала вид, что не замечаю их присут-

ствия, и протянула номерок гардеробщице. Когда пожилая женщина заковыляла и скрылась в зарослях из курток и плащей, «Толстый и тонкий» подошли ко мне.

– Добрый вечер, – «Тонкий» сделал неуклюжий реверанс и снова сально улыбнулся. – Не сочтите за нахальство, но у нас есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Я промолчала, всем своим видом показывая, что не заинтересована ни в каком предложении, особенно с их стороны. Женщина подала мне плащ, и я отвернулась к зеркалу, чтобы одеться.

– Девушка, вам когда-нибудь говорили, что у вас очень интересная внешность? Как у модели, – «Тонкий» подступил с другой стороны и даже посмел тронуть меня за локоть.

Я поспешила одернуть руку, но мужчина даже не смутился.

– Отойдите, пожалуйста. Меня не интересует ваше предложение.

«Толстый» тем временем продолжал опасливо оглядываться, и, когда его товарищ предпринял третью попытку завоевать мое внимание, громко шепнул:

– Рыжий, нам пора – нас уже ждут.

«Рыжий», у которого из-под шапки выглядывал клок абсолютно черных волос, сердито отмахнулся.

– Девушка, – настойчиво продолжал он гнуть свою линию, – вы же даже не знаете, от чего отказываетесь! Вам всего-то нужно будет часик посниматься, мы вам щедро заплатим. Мы серьезная контора!

– Да отстаньте уже от меня! – не выдержала я. – Я уже сказала, что мне это не интересно.

Долговязый хотел еще что-то сказать, но с улицы вдруг послышался пронзительный автомобильный гудок, и «бочонок» еще больше засуетился.

– Пора ехать! Тебе ли не знать, что нам светит, если опоздаем! Идем уже!

«Рыжий» еще пару секунд помялся, но все же устремился вслед за вышедшим другом. Я облегченно выдохнула и, завязав пояс на плаще, осторожно выглянула на улицу. Серая побитая машина, на которой, судя по всему, уехала странная парочка, как раз скрылась за ближайшим поворотом. Я вдохнула прохладный воздух и открыла приложение такси. С неба неприятно заморосило, и я поплотнее укуталась в тренч. Зонта у меня с собой, естественно, не оказалось – в прогнозе его сегодня не было. Но ничего страшного, потерплю – такси должно было подъехать через две минуты.

На тротуаре рядом возникла тень, и я инстинктивно напряглась. Сначала испугалась, что это мои недавние собеседники решили вернуться, но мой взгляд упал на знакомый черный платок на запястье. Феликс был в тонкой белой футболке, в которой выступал, и, казалось, мелкий дождь был ему нипочем.

– Ты в порядке? – его голос был встревоженным.

Я в недоумении посмотрела на него.

– Да, почему ты спрашиваешь?

– Случайно увидел, как в коридоре рядом с тобой ошивались два странных типа. Испугался, что пристают. Что они тебе сказали?

Внутри, несмотря на холодную морось, разлилось тепло.

– Предлагали сняться в рекламе, – усмехнулась я.

Феликс нахмурился, и между его бровей пролегла глубокая морщинка.

– Смею надеяться, что ты отклонила это заманчивое предложение? – напряженно поинтересовался он.

Я смерила его оскорбленным взглядом.

– Я что, похожа на дурочку?

Он будто бы смутился, но, когда заговорил снова, в его голосе сквозило облегчение:

– Нет, ты не похожа на дурочку.

Не знаю, о чем он думал в этот момент, но могу точно сказать, о чем думала я: вот бы такси еще вечность не приезжало!

– Похоже, это за тобой, – Феликс кивнул на машину, которая припарковалась неподалеку.

Я нехотя оторвала от него взгляд и уставилась на подъехавший автомобиль: желтая мазда 3, номер – 979. Желание, увы, оказалось несбыточным.

Феликс проводил меня до машины и открыл передо мной заднюю дверцу.

– Напиши, когда доедешь – я буду волноваться, – он протянул крупную купюру водителю.

Прежде чем я успела возмутиться, он подмигнул и наклонился так близко, что я уловила запах его парфюма: что-то свежее и хвойное. Я затаила дыхание.

– Мой номер у тебя есть.

Он закрыл дверь, и такси аккуратно тронулось с места. Когда я обернулась, Феликс все еще стоял у входа в клуб. Его лица уже не было видно, но футболка сияла белым пятном в ночной темноте и не исчезала, пока мы не свернули за угол.

Я откинулась на сиденье и прикрыла глаза. Внутри бушевали смешанные чувства.

– Включить печку? Замерзли? – заботливо спросил водитель.

– Нет, все нормально, спасибо.

Я боялась, что этот дядечка окажется таким же болтливым, как тот водитель, который забирал нас с Милкой из аэропорта, но, к счастью, на этом его вопросы закончились. Он увеличил звук Авторадио, и салон машины заполнили звуки какой-то попсовой модной песенки.

В квартире меня встретил Уголек. Черный пушистый комочек тут же кинулся мне под ноги, заставив ухватиться рукой за косяк двери.

– Похоже, я выбрала для тебя неправильное имя. Надо было назвать тебя Ураганом, а не Угольком.

Ураган-Уголек лаконично мяукнул.

Налив ему молока, я быстро написала сообщение Милке, чтобы узнать о состоянии Андрея Вениаминовича. Подруга обрадовала, что худшее позади. Сейчас ее отца перевели в обычную палату и дали снотворное. Я облегченно выдохнула. Почесав пузо Уголька, который, вылакав все содержимое миски, расположился на моих коленях, я открыла окно с одним единственным сообщением от неизвестного номера.

«Следующая песня для тебя».

Пальцы медленно набрали текст и замерли над клавиатурой.

«Я дома».

В памяти отчетливо всплыл недовольный взгляд блондинки, ее рука на локте Феликса и его абсолютно невозмутимое выражение лица при этом. Секунду поколебавшись, я стерла сообщение и решительно заблокировала телефон. Уголек соскочил с моих колен и начал выписывать хаотичные круги у моих ног, снова замяукав. Я взяла его на руки и потерлась щекой о его пушистую шерстку.

– Пойдем спать, дружок.

Тяжелые шторы благородного зеленого цвета, как платье у Скарлетт О'Хара, перекрыли падающий в комнату через окно лунный свет. Я укрылась мягким одеялом и почувствовала рядом с бедром мурчащий вибрирующий комочек.

– Завтра будет новый день, – шепнула я в темноту и с удовлетворением закрыла глаза.

7.

Бойтесь своих желаний. Так говорил кто-то мудрый.

Вселенная услышала мои мысли, когда я думала о том, как было бы прекрасно просто стоять рядом с Феликсом и говорить, говорить. Как было бы здорово отбросить все страхи и предрассудки и довериться чувствам. Плохо, что она не учла мое последующее желание все забыть и вернуться к прошлой жизни – без глупых метаний и вздрагиваний от мимолетных прикосновений, зато с привычными встречами в «Кубе» после работы с Милкой и разговорами ни о чем с Пашкой.

Феликс ухмыльнулся так, как умеет только он один, и я нервно фыркнула. Со стороны казалось, будто я недовольна тем, что вынуждена находиться рядом с ним, но на самом деле я злилась на себя. И что это еще за новости? «Как умеет только он один». Будто я знаю, что он умеет, а что – нет.

Возможно, причина моего взвинченного состояния крылась не только в присутствии Феликса, но и в чьем-то еще.

– Хватит, Герда!

Мне нравился голос Феликса. Еще больше нравилось, когда в его голосе звучало недовольство. Еще больше – когда оно было направлено на Герду.

Так звали ту симпатичную блондинку, которая, по-моему, считает Феликса своей собственностью. Не то чтобы меня это сильно волновало. Просто со стороны это смотрится смешно. Ладно, кого я пытаюсь обмануть? Меня это дико злило.

Герда убрала руки с головы Феликса. Взъерошенные вихры на его макушке, стоит признать, выглядели невероятно мило, но этот парень явно не в восторге, когда кто-то трогает его волосы.

– Вредина, – буркнула Герда, но все ее прекрасно слышали. Это короткое «вредина» скрывало в себе намного больше: «ты, конечно, вредина, но моя вредина!»

Наверное, я слишком внимательно наблюдала за этими двумя, потому что Пашка довольно громко кашлянул, и я тут же повернулась к нему. Он наклонился поближе и шепнул мне на ухо:

– Ты выглядишь так, будто: а) сейчас набросишься на него и убьешь; б) сейчас набросишься на него и зацелуешь до смерти. Я больше склоняюсь ко второму варианту.

Я сердито хлопнула его по плечу, но вместе с этим, естественно, тут же покраснела.

– Найдите себе комнату, – Милка ухмыльнулась, и я наградила ее испепеляющим взглядом.

Хотя она права – со стороны мы с Антоновым действительно походили на милующуюся парочку.

Василькова снова повернулась к Кемалю, у которого сидела на коленях. Он рассеянно гладил ее по предплечью и свободной рукой что-то печатал в телефоне.

Место, в котором мы все находились, было просто невероятным. Огромных размеров загородный дом, с настоящим камином в гостиной, в которой мы все сейчас сидели, и двумя этажами. Дом принадлежал Герде, точнее, ее родителям.

За то, что я находилась в доме девушки, с которой у нас очевидно не самое благоприятное отношение друг к другу, надо сказать спасибо Милке. К счастью, Андрей Вениаминович очень быстро пришел в норму, и уже через три дня его выписали. Так что моя подруга снова стала той самой Милой, у которой в голове что ни день – то новая безумная идея.

Группа Феликса и Кемаля собиралась отпраздновать завершение удачной серии выступлений в нашем городе, и Герда, которая оказалась их менеджером, предложила устроить вечеринку в доме ее предков. Ну а дальше по цепочке: Василькова в неразрывной связке с Кемалем, а значит, и я, по ее мнению, была обязана здесь присутствовать. Одна я пойти не согласилась и пригласила свою защитную броню – Пашу. Кажется, Герда была не очень рада моему приходу, но открыто высказывать претензии не решилась. По крайней мере, мне. То, что я пришла не одна, а с, как все думали, моим парнем, наверняка смягчило ее боевой настрой, и она даже не

целилась в меня весь вечер уничижительными взглядами. Хотя от этого мне было не легче: ее внимание теперь было всецело посвящено Феликсу.

За два часа она успела посидеть у него на коленях, трижды чмокнуть его в щечку и уже, наверное, в десятый раз поднести ему то напиток, то какое-нибудь лакомство со стола с закусками. Будто он двухлетний ребенок или у него нет рук и ног, чтобы встать и самому взять себе то, что хочется.

Нас уже познакомили с остальными ребятами из группы. Парни тоже были турками, но все говорили по-английски, а один из них – клавишник Хасан – вполне даже сносно болтал по-русски.

– Ты обязательно должна побывать в Турции, – горячо нахваливал он свою страну.

– Уже была. Этим летом, – улыбнулась я.

– Правда? Тогда ты должна еще раз приехать, – не унимался он. – Я покажу тебе самые классные места. Турция – райская страна, и я говорю не только о популярных и раскрученных городах и курортах.

– Ты рискуешь, друг, она сейчас согласится, и тебе придется нелегко – с ее-то топографическим кретинизмом, – хохотнул Пашка.

Я в очередной раз за вечер толкнула его по внушительных размеров плечу и приняла оскорбленный вид, а Антонов вдруг схватил мою ладонь и чмокнул ее тыльную сторону. Я вопросительно посмотрела на него, но он едва заметно кивнул в сторону кресла, на котором сидел Феликс. Рядом с ним, на подлокотнике, устроилась Герда. Блондинка о чем-то с увлечением ему рассказывала, но он будто не слушал ее. Его темный взгляд был направлен в нашу с Пашей и Хасаном сторону. Я тут же отвернулась. Щеки снова предательски запылали.

– Пойдем на улицу, подышим свежим воздухом, – Пашкин голос с трудом пробился до моего сознания.

Он взял меня за руку и мягко потянул к себе. Феликс проводил нас внимательным взглядом.

Крыльцо было красиво украшено гирляндами.

– Люди уже активно готовятся к новогодним праздникам, – заметил Антонов.

Я зябко поежилась – на улице вовсю бушевал холодный в этом году октябрь. Пар изо рта вырывался в ледяной воздух туманными облачками.

– Когда я был маленьким, мне нравилось думать, будто я курю, когда дышу на холоде, – Пашка накинул на меня свою куртку, которую предусмотрительно забрал из прихожей.

– Мне тоже, – глупо хихикнула я.

Возникшая после этого пауза не была неловкой. Видимо, наши с Антоновым воспоминания синхронно перенеслись в детство.

– Что мне делать, Паш? – я нарушила наконец тишину полным отчаяния вопросом.

Взгляд Антонова сначала озарился непониманием, но только на долю секунды. Он приобнял меня одной рукой и посмотрел вдаль – на темные верхушки виднеющихся где-то там сосен.

– Глупый вопрос, Брусникина. Наслаждаться, конечно же.

– А есть чем?

– Сама посуди: ты в компании интересных людей, в красивом месте, ешь вкусную еду, тебя, блин, в Турцию только что пригласили!

Я покачала головой.

– Тебе, Антонов, лишь бы шутки шутить. А я страдаю, между прочим.

– А в чем проблема? – Пашка посмотрел на меня так, будто действительно ничего не понимал.

– Мне… неприятно смотреть на них, – все же пояснила я.

– Так не смотри, делов-то!

Я обиженно отвернулась. Думала, Антонов специально меня на крыльцо вытащил, видел же, каково мне было – сидеть там, смотреть на Феликса и Герду и делать вид, что мне до лампочки, как они льнут друг к другу. Справедливости ради, льнула пока что одна Герда, но кому от этого легче. И вообще – что это за имя такое, Герда? Видать, ее родители были неравнодушны к творчеству Андерсена. Интересно, у нее случайно брата по имени Кай нет?

Пашка обнял меня сзади своими крепкими руками и аккуратно положил подбородок на плечо. Его кудряшки смешно щекотали мое правое ухо, и я снова прыснула.

– А с чего ты взяла, что между ними что-то есть? Мне кажется, твой красавец больше на тебя глазеет, чем на Герду.

– Если бы ничего не было, он бы вряд ли давал так себя лапать, – с какой-то детской обидой пожаловалась я.

– Хочешь, я попытаюсь узнать, вместе ли они? – предложил Антонов, и я от испуга чуть не свалилась с верхней ступеньки крыльца, на которой стояла.

– Даже не думай, Паш! Не хочу я ничего знать, хочу просто забыть все это. Хочу жить как раньше! Ходить на работу, приходить домой, обниматься с Угольком и смотреть сериалы. А теперь я хожу на работу, прихожу домой, обнимаюсь с Угольком, смотрю сериалы и параллельно со всем этим думаю о нем. Надоело.

– Понимаю, – туманно отозвался Пашка.

– Что?

– Что?

– Что ты понимаешь?

Этот короткий комментарий из уст Антонова мгновенно озадачил меня. Мне в голову не приходило, что этот парень может быть чем-то озабочен, кроме вечных игрушек и прог на компе и планом на ближайший отпуск с друзьями. Живет себе один, ест лапшу быстрого приготовления и не ведает проблем. Ну, разве что временами бегает от какой-нибудь Анфисы. Но это мелочи.

– Да забей, – отмахнулся Пашка. – С родаком снова полаялся. Так, ерунда.

Казалось, Пашу не особо напрягает ссора с отцом, но в глубине души он наверняка жалел, что все так вышло. Большинству ведь достались нормальные папы, которые в детстве чинили с сыновьями велосипед и учили, как пользоваться контрацептивами, чтобы не залететь в шестнадцать, а Пашке достался какой-то отморозок, который вспомнил о существовании сына, только когда надо было думать, кому передавать бразды правления в своей богатой, но никчемной строительной «империи». Никчемная – это я, конечно, загнула. Но для Пашки, который мог лишиться чего-то гораздо большего, чем многомиллионное наследство, все выглядело именно так.

– Мне очень жаль, Паш, – искренне сказала я. – От меня, конечно, мало толка, но если тебе нужно плечо, вот прям как сейчас, – я дернула плечом, на котором покоился Пашкин подбородок, и он криво улыбнулся, – то я всегда рядом.

– Спасибо, Брусникина. Что бы я делал без твоих хрупких женских плеч.

Я засмеялась и повернулась к Антонову, потрепав его по кудрявой макушке. Он улыбнулся мне знакомой «Пашкиной» улыбкой, которая всегда поднимала мне настроение, и крепко меня обнял. Я уткнулась носом в его холодную толстовку и тут же встрепенулась – вот же дура! Стою тут деловая, в антоновской куртке, размышляю о проблемах бытия, а у Пашки, наверное, все жизненно-важные органы скоро откажут от переохлаждения. Я уже открыла рот, чтобы обругать его за глупое героическое молчание, и осеклась, когда мой взгляд неожиданно скользнул по большому французскому окну: Феликс стоял в доме напротив него и смотрел прямо на нас. Выражение его лица было непонятным, но мне сразу стало не по себе.

– Ты чего? – Пашка проследил за моим взглядом и обернулся. Феликса это ничуть не смутило, он все так же смотрел на нас. – Пойдем-ка в дом, а то я сейчас в ледышку превращусь, – тихо произнес Антонов и легонько подтолкнул меня в сторону дома.

Я побрела к двери, изо всех сил стараясь больше не смотреть в окно. А когда все же не сдержалась и подняла глаза, Феликса там уже не было.

Милка встретила нас у входа в гостиную.

– Вы где были? – спросила она, покосившись на раскрасневшегося от холода Пашку.

– Воздухом дышали.

– Ясно, – подруга снова посмотрела на Антонова, потом на меня – и сощурилась. – Могли бы просто в какую-нибудь свободную комнату завалиться. Их тут до фига.

– Василькова, хватит уже! – я тут же залилась краской и с возмущением воззрилась на Милку. – Не смешно!

– Да кто ж смеется-то. Я, наоборот, завидую.

Интересно, если бы Кемаль понимал, на что его девушка постоянно намекает, он бы как-то отреагировал? А то складывалось ощущение, что Миле не хватает внимания и она всю свою неуемную энергию тратит на двусмысленные комментарии о чужих отношениях.

Я подошла к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Ты куда? – тут же поинтересовалась Милка.

– В туалет. Можно? – съязвила я. В висках неприятно стучало.

Василькова фыркнула и пробормотала вслед что-то вроде «ой, ну вот прям сказать ничего нельзя, такие все обидчивые», а я с негодованием потопала наверх, нервно печатая каждый шаг. Где уборная, я понятия не имела, но, оказавшись в пустом коридоре, облегченно выдохнула. Хотелось хоть минуту побыть наедине с собой. Зажмурившись и сделав пару глубоких вдохов, как учат на курсах йоги (на которую я всю свою сознательную жизнь собираюсь наконец записаться), я распахнула глаза и вздрогнула, в буквальном смысле схватившись за сердце.

Беда пришла откуда не ждали.

– Прости, – без абсолютного сожаления в голосе произнес Феликс.

– Ты всегда так бесшумно подкрадываешься? – мой голос все еще дрожал от испуга.

– Мне кажется, ты бы не услышала, даже если бы рядом взлетела ракета. Это что, какой-то тип медитации?

В его голосе явно слышалась насмешка, и я просверлила его сердитым взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.